Археологические вести

— 24 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

24
(2018)

SAINT-PETERSBURG
2018

Археологические вести

24
(2018)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (главный редактор), академик РАН В. Л. Янин, академик РАН Н. А. Макаров, Н. В. Хвощинская (зам. главного редактора), О. И. Богуславский, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, В. А. Лапшин, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Рецензенты:

кандидат исторических наук В. А. Алёшкин

доктор исторических наук С. И. Кочуркина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992. –

Вып. 24 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. – СПб., 2018. – 428 с., ил.

ISSN 1817-6976

В очередной сборник ежегодника ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи камня до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника включены работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся древностей эпохи бронзы и раннего железа Северного Причерноморья и лесостепной зоны Восточной Европы. В сборнике представлены рецензии на новейшую историко-археологическую литературу и информация о прошедшем в октябре 2017 г. V (XXI) Всероссийском археологическом съезде. Отдельный раздел посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника – ученые из России, Азербайджана, Казахстана, Молдовы, Франции и Германии.

This yearbook of IIMK RAS includes a collection of articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. It is the first time that some materials obtained through investigation of settlements and burial sites dating from the Stone Age to the Middle Ages in the territory of Eurasia are scientifically published. In a number of the papers, particular archaeological complexes and categories of finds are discussed. A special section of the collection considers works on the urgent problems of archaeology and antiquities of the Bronze Age and Early Iron Age of the Northern Black Sea Region and forest-steppe zone of Eastern Europe. The present collection presents reviews of the latest historical and archaeological publications and information on the 5th (XXIth) All-Russian Archaeological Congress held in October, 2017. A separate section is dedicated to the history of science. Among the authors of this yearbook there are scientists from Russia, Azerbaijan, Kazakhstan, Moldova France and Germany.

Обложка:

Первая страница – Бронзовая пряжка-пластина из кургана № 43 могильника Ала-Тей 1 (к статье М. Е. Килуновской и П. Леуса)

First page – Bronze plate/buckle from kurgan no. 43 at the cemetery of Ala-Tey 1 (article by M. E. Kilunovskaya and P. M. Leus)

Четвертая страница – Двор Ладожской крепости. Карта вертикального градиента поля аномалий силы тяжести: а – изолинии вертикального градиента поля аномалий силы тяжести; б – линии геофизических профилей; в – буровые скважины (1989 г.); г – фрагменты разрушенных крепостных стен; д – предполагаемые контуры погребенных развалин каменной кладки, обнаруженные при раскопках А. Н. Кирпичникова (к статье Н. В. Григорьевой, В. В. Кошевого, О. Ю. Медведева)

Fourth page – Courtyard of the Ladoga fortress. Map of the vertical gradient of the field of anomalies of the gravitation force; а – isolines of the vertical gradient of anomalies of the gravitation force; б – lines of the geophysical profiles; в – boreholes (1989); г – fragments of the ruined defensive walls; д – presumed outlines of the buried ruins of the stonework found during A. N. Kirpichnikov's excavations (article by N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy & O. Yu. Medvedev)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2018

ISSN 1817-6976

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

К 85-летию Сергея Никитича Астахова	11
К юбилею Надежды Дмитриевны Моисеевой	12
К юбилею Галины Васильевны Сеницыной	13
К юбилею Татьяны Анатольевны Ершовой	14
К 70-летию Николая Анатольевича Боковенко	15
К 70-летию Сергея Степановича Миняева	17

Новые открытия и исследования

<i>С. А. Кулаков.</i> Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове	19
<i>Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков, А. Л. Чепалыга.</i> Исследования местонахождений раннего палеолита на высоких морских террасах Южного Крыма в 2016 г.	33
<i>А. М. Скоробогатов, И. В. Федюнин.</i> Новые материалы палеолита и энеолита на южной границе лесостепного Подонья.	42
<i>С. Н. Разумов.</i> Собака в культовой практике населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке	50
<i>В. А. Трифонов, Н. И. Шишлина, А. Ю. Лобода, Н. Н. Колобылина, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина.</i> Золотые тонкостенные бесшовные бусы из дольмена раннего бронзового века в кургане № 2 у станицы Царская, Северо-Западный Кавказ: технология изготовления и культурно-исторический контекст	68
<i>И. П. Лазаретов, А. В. Поляков.</i> Святилище раннего бронзового века в Туве	83
<i>В. В. Алейников, В. П. Глебов, В. Я. Стеганцева.</i> Погребение с повозкой эпохи средней бронзы в бассейне реки Деркул в Тарасовском районе Ростовской области	94
<i>И. А. Кукушкин, Е. А. Дмитриев, А. И. Кукушкин.</i> Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований)	102
<i>С. А. Фидельский, М. В. Иващенко, В. С. Синика.</i> Амфорные клейма средиземноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра	110
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус.</i> Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве	125
<i>М. М. Казанский.</i> Зооморфные и антропоморфные пряжки и контакты Восточной Прибалтики с Византией в эпоху переселения народов	153
<i>Т. А. Кулиев.</i> Из истории монетного двора Дербента	169

<i>Н. В. Хвоцинская.</i> К интерпретации кладов серебряных гривен в Восточной Европе	182
<i>Н. В. Григорьева, В. В. Кошевой, О. Ю. Медведев.</i> Археолого-геофизические исследования на территории Ладужской крепости (опыт применения метода высокоточной гравиметрии для получения данных о рельефе местности)	190
<i>М. О. Жуковский.</i> Инструменты для взвешивания с граффити из раскопок Новгорода	198
<i>В. В. Яблончук.</i> Топография актов печатей Новгорода XI–XV вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов)	207
<i>П. А. Милев.</i> Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV – XVI в. из Старой Ладуги и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий	218
<i>Л. М. Дмитренко.</i> Результаты исследования керамики поселения Ла-Пайя (провинция Сальта, Северо-Западная Аргентина) из собрания МАЭ РАН	239

Актуальные проблемы археологии

<i>Р. А. Мимоход.</i> Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний	249
<i>М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба, А. М. Кульков, Н. С. Власенко, Н. А. Гаврилюк, Э. Кайзер.</i> Первые исследования белой пасты для инкрустации керамики раннего железного века в Северном Причерноморье	276
<i>В. И. Козенкова.</i> Заметки о некоторых аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений	290

Обзоры и рецензии

Попытка с негодными средствами, или Непреодоленное непостижимое Winkler-Horaček L. <i>Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. R. Smith)</i> Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb. (Рец. И. Ю. Шайба)	311
Новые подходы к изучению культурного процесса в Восточной Европе <i>Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.</i> / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. – ISBN 978-5-903521-50-0 – 310 с. (Рец. А. И. Саксы)	321
Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с. (Рец. В. А. Лапина)	325

Сотрудничество Восток – Запад

<i>С. А. Васильев.</i> V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Барнаул–Белокуриха, 1–8 октября 2017)	329
<i>Э. Кайзер, М. Т. Кашуба, О. Н. Щеглова.</i> Первая Международная конференция «Время и материальность: Периодизация и региональная хронология перехода от бронзового к железному веку в Евразии (1200–600 BCE)» (Берлин, 19–21 марта 2018 г.)	333

История науки

<i>Е. Г. Застрожная.</i> К истории изучения античного наследия Крымского полуострова в начале 1920-х гг.	339
<i>А. В. Курбатов.</i> История изучения кожевенного дела средневековой Руси	349
<i>А. А. Пескова, И. В. Антипов, Д. Д. Ёлишин, К. А. Михайлов, А. Е. Мусин.</i> Археология красоты: опыт творческой биографии Марианны Малевской	358
Список научных трудов Марианны Владимировны Малевской-Малевич (составитель Л. М. Всевиов)	372

Персоналии

<i>М. Е. Мазуренко.</i> Лев Михайлович Всевиов	377
<i>Л. М. Всевиов.</i> Издательская деятельность Императорской Археологической комиссии	383
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Последнее письмо академика С. А. Жебелёва	401
<i>Ю. А. Виноградов, И. Ю. Шауб.</i> Разбирая архив В. И. Денисовой	405
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Два письма из личного архива В. И. Денисовой	411

Хроника

<i>С. А. Васильев.</i> Памяти Василия Прокофьевича Любина (1918–2018)	421
Список сокращений	423

CONTENT

Our jubilees

To the 85 th anniversary of Sergey Nikitich Astakhov	11
To the jubilee of Nadezhda Dmitrievna Moiseeva	12
To the jubilee of Galina Vasil'yevna Sinitsyna	13
To the jubilee of Tat'yana Anatol'yevna Ershova	14
To the 70 th anniversary of Nikolay Anatol'yevich Bokovenko	15
To the 70 th anniversary of Sergey Stepanovich Minyaev	17

New discoveries and studies

<i>S. A. Kulakov</i> . Early Palaeolithic site of Bogatyri/Sinyaya Balka on the Taman Peninsula	19
<i>N. K. Anisyutkin, S. A. Kulakov, A. L. Tchepalyga</i> . Studies of Early Palaeolithic sites on the high marine terraces of Southern Crimea in 2016	33
<i>A. M. Skorobogatov, I. V. Fedyunin</i> . New Palaeolithic and Eneolithic materials from the southern border of the Forest-Steppe Don region	42
<i>S. N. Razumov</i> . Dog in Ritual Practice of the North-Western Black Sea Population of the Early Bronze Age	50
<i>V. A. Trifonov, N. I. Shishlina, A. Yu. Loboda, N. N. Kolobykina, E. Yu. Tereshchenko, E. B. Yatsishina</i> . Gold thin-walled seamless beads from a dolmen of the Early Bronze Age in kurgan no. 2 near the Cossack village of Tsarskaya, Northwestern Caucasus: the technology of manufacturing and cultural historical context	68
<i>I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov</i> . Sanctuary of the Early Bronze Age in Tuva	83
<i>V. V. Aleynikov, V. P. Glebov, V. Ya. Stegantseva</i> . Burial of the Middle Bronze Age with a cart in the basin of the Derkul River in Tarasovsky District of Rostov Oblast	94
<i>I. A. Kukushkin, E. A. Dmitriev, A. I. Kukushkin</i> . Karazhartas or a new socially stratified necropolis of the Begazy-Dandybay culture (preliminary results of researches)	102
<i>S. A. Fidelskiy, M. V. Ivashchenko, V. S. Sinika</i> . Amphora stamps of Mediterranean centres from the site of Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester	110
<i>M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus</i> . New evidence on the Ulug-Khem culture in Tuva	125
<i>M. M. Kazanskiy</i> . Zoomorphic and anthropomorphic buckles and contacts of Eastern Baltic region with the Byzantine Empire in the Great Migration period	153
<i>T. A. Kuliev</i> . From the history of the Derbent mint	169

<i>N. V. Khvoshchinskaya</i> . Interpretation of hoards of silver neck rings in Eastern Europe	182
<i>N. V. Grigor'yeva, V. V. Koshevoy, O. Yu. Medvedev</i> . Geophysical archaeological investigations in the territory of the Ladoga fortress (experiment on application of the method of high precision gravimetry for investigation of the original relief of a site surface)	190
<i>M. O. Zhukovskiy</i> . Weighing instruments with graffiti from excavations in Novgorod ...	198
<i>V. V. Yablonchuk</i> . Topography of official seals in Novgorod of the 11 th –15 th century (finds from the Nerevsky and Troitsky excavations)	207
<i>P. A. Milyaev</i> . Finds of parts of hand firearms of the second half of the 15 th –16 th century from Staraya Ladoga and the fortress of Oreshek in the view of East- and West-European parallels	218
<i>L. M. Dmitrenko</i> . Results of the investigation of pottery from the settlement of La Paya (Salta Province, Northwestern Argentina) from the collection of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS	239

Topical Problems of Archaeology

<i>R. A. Mimokhod</i> . The origin and semantics of figured buckles from Bronze Age Europe and Caucasus in the context of Near Eastern influences	249
<i>M. A. Kul'kova, M. T. Kashuba, A. M. Kul'kov, N. S. Vlasenko, N. A. Gavriluk, E. Kaiser</i> . First investigations of white paste for inlaid ceramics of the Early Iron Age from the northern Black Sea littoral	276
<i>V. I. Kozenkova</i> . Essay on some aspects and the vector of development of Koban-Scythian interrelations	290

Review Articles and Book Reviews

An attempt with unfit means or the Unsurmounted inconceivable	
Winkler-Horaček L. Monster in der frühgriechischen Kunst. Die Überwindung des Unfassbaren (Image & Context. Vol. 4. / Ed. F. Lissarrague, R. Schneider & R. R. Smith) Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. – ISBN: 978-3-11-018900-1. – 690 S. 241 Abb. (Rev. by <i>I. Yu. Schaub</i>)	311
New approaches to studies of the cultural process in Eastern Europe	
<i>Élite ou Égalité</i> : Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. – ISBN 978-5-903521-50-0 – 310 с. (Rev. by <i>A. I. Saksa</i>)	321
Illustrated ethno-confessional atlas of Leningrad Oblast	
Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4 – 656 с. (Rev. by <i>V. A. Lapshin</i>)	325

The East–West Cooperation

<i>S. A. Vasil'yev</i> . The V th (XXI) All-Russian archaeological congress (Barnaul–Belokurikha, October 1–8, 2017)	329
---	-----

<i>E. Kaiser, M. T. Kashuba, O. A. Shcheglova.</i> 1 st International conference «Time and materiality: Periodization and regional chronologies at the transition from Bronze to Iron Age in Eurasia (1200–600 BCE)» (Berlin, 19–21 March 2018)	333
--	-----

History of Science

<i>E. G. Zastrozhnova.</i> History of the study of the ancient heritage in the Crimean Peninsula in the early 1920s	339
<i>A. V. Kurbatov.</i> History of studies of leather tanning in mediaeval Rus	349
<i>A. A. Peskova, I. V. Antipov, D. D. Yolshin, K. A. Mikhaylov, A. E. Musin.</i> The archaeology of beauty: essay on the creative biography of Marianna Malevskaya . . .	358
List of scientific works of Marianna Vladimirovna Malevskaya-Malevich (compiler <i>L. M. Vseviov</i>)	372

Personalia

<i>M. E. Mazurenko.</i> Lev Mikhaylovich Vseviov.	377
<i>L. M. Vseviov.</i> The publishing activities of the Imperial Archaeological Commission. . . .	383
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> The last letter of the Academician S. A. Zhebelyov	401
<i>Yu. A. Vinogradov, I. Yu. Schaub.</i> Examining the archives of V. I. Denisova	405
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Two letters from V. I. Denisova's personal archives	411

Chronicle

<i>S. A. Vasil'yev.</i> In memory of Vasily Prokofievich Lubin (1918–2018)	421
List of Abbreviations	423

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМАНТИКА ФИГУРНЫХ ПРЯЖЕК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЕВРОПЕ И НА КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ВЛИЯНИЙ¹

Р. А. Мимоход²

Аннотация. Статья посвящена анализу фигурных пряжек, которые распространились в Европе и на Кавказе во второй половине III – начале II тыс. до н. э. Среди них можно выделить изделия кавказской и европейской традиций. Первые – это кольцевидные пряжки с широкой планкой, известные на Северо-Восточном Кавказе и в Предкавказье, вторые – крючково-планочные предметы, которые концентрируются в Карпато-Дунайском регионе, Центральной Европе и в Днепро-Донецком междуречье. Сопоставление этих изделий с ближневосточной мелкой пластикой показывает, что пряжки передают антропоморфный образ. Предметы европейской традиции изображают стоящего индивида с поднятыми вверх и разведенными руками (поза «оранта»), а кавказские экземпляры – персонажей с согнутыми в локтях и скрещенными на груди руками (поза «адорации»). Антропоморфные пряжки в Европе и на Кавказе – одно из проявлений в этих регионах целого комплекса новаций, связанных с Ближним Востоком и Восточным Средиземноморьем.

Annotation. This paper analyses the figured buckles which became widespread in Europe and Caucasus in the second half of the 3rd to the early 2nd millennium BC. Among these buckles, objects in the Caucasian and European traditions can be distinguished. The first are represented by ring-shaped clasps with broad planks known in the North-Eastern Caucasus and Ciscaucasia; the second type is that of hook and plank objects which are concentrated in the Carpathian and Danube region, Central Europe, and between the Dnieper and Donets. Comparison of these artefacts with the Near Eastern small plastic arts demonstrates that the buckles represent anthropomorphic images. The objects of the European tradition render a standing individual with the arms held upward and stretched apart (the 'orans' pose), while the Caucasian examples render figures with arms bent at the elbows and crossed on the breast (the 'adoration' pose). The appearance of the anthropomorphic buckles in Europe and in the Caucasus is one of the manifestations of the entire complex of innovations influenced by the Near East and Eastern Mediterranean in these regions.

Ключевые слова: Центральная и Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток, бронзовый век, поясные пряжки, антропоморфные образы, хронология, семантика.

Keywords: Central and Eastern Europe, Caucasus, Near East, Bronze Age, belt buckles, anthropomorphic images, chronology, semantics.

DOI: 10.31600/1817-6976-2018-24-249-275

В бронзовом веке в Европе и на Кавказе получили распространение фигурные бронзовые и ро-

говые планочные поясные пряжки (рис. 1). Им посвящена обширная литература (Hájek, 1959; Hänsel, 1968. S. 109–111; Андреева, 1986; Гершкович, 1979; 1986; Магомедов, 1990; Братченко, 1995; Литвиненко, 1996а; Василенко, 1999; Калмыков, Мимоход, 2005; Ильюков, Магомедов, 2010; Мимоход, 2013. С. 104–124; Ильюков, 2016; и др.). Накопленные к настоящему времени данные позволяют уверенно разделить эти изделия на две группы по системе крепления ремня (Мимоход, 2016а. С. 46).

¹ В основу статьи положен одноименный доклад, прочитанный на Международной научной конференции и Гумбольдт-лектории «Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера)», проходившей в г. Санкт-Петербурге (5–8.10.2015).

² Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова 19, Институт археологии РАН, Отдел бронзового века. E-mail: mimokhod@list.ru.

Рис. 1. Основные ареалы фигурных пряжек европейской (а) и кавказской (б) традиций

Fig. 1. The main areas of distribution of figured buckles in European (a) and Caucasian (b) traditions

В *первую группу фигурных пряжек* входят *предметы европейской традиции*, к которым относятся крючково-планочные пряжки или пряжки-запонки (рис. 2, 1). Глухой конец ремня намертво крепился к планке, а в свободном конце была прорезь, с помощью которой он цеплялся за крючок. Территория их распространения представлена двумя основными ареалами. Больше всего пряжек обнаружено в Карпато-Дунайском регионе и в Центральной Европе; второй ареал – степная зона Днепро-Донецкого междуречья (рис. 1).

Карпато-дунайские и центральноевропейские пряжки широко датируются. Первые крючково-планочные изделия в эпоху бронзы появляются в культуре Шнекенберг (*Hájek*, 1959. Обр. 12).³ Большая часть фигурных пряжек относится к раннему бронзовому веку (BrA1–A2, по Райнеке). Они обнаружены в комплексах культур Ватъя, Муреш (Перьямош, Мокрин), Сёрег, Рона (Валлис), курганных погребений, нитрянской, оттоманской, стжижовской, унетицкой. Встречаются пряжки-запонки и позже – в культурах среднего бронзового века (BrB1–B2, по Райнеке) (рис. 2, 1–5), в которых известны роговые и бронзовые экземпляры (*Prox*, 1941. Taf. XXXIII, 1, 2; *Hájek*, 1959. S. 285–295, obr. 1–13; *Székely*, 1962. Fig. 4, 7; *Hänsel*, 1968. S. 109–111, taf. 2, 30; 12, 9, 12; 50, 2; *Müller-Karpe*, 1974. Taf. 520, 9; 1980. Taf. 293, F. 1–3; 295, F. 10, 11; *Bóna*, 1975. Taf. 127, 3, 7; *Machnik*, 1978.

Tabl. IV, 11, 12; XXIV, 5; XXV, 34; 1991. Fig. 7, 20, 29; 21, 14; *Гершкович*, 1979. С. 59, 60; 1986. С. 141, 142; *Paulik*, 1980. Abb. 87; *Hänsel, Medović*, 1994. Abb. 6, 2; *Hafner*, 1998. Abb. 6, 38).

Фигурные пряжки Днепро-Донецкого междуречья (второй ареал) представлены исключительно роговыми экземплярами (рис. 2, 6–10) (*Городцов*, 1907. С. 356–357; *Латынин*, 1967. С. 30, рис. 26; *Шаповалов, Колесник*, 1972. С. 69, рис. 3–4; *Братченко*, 1985. С. 453, рис. 123, 7, 11–12; *Гершкович*, 1986; *Ковалева и др.*, 1987. С. 20, рис. 6, 11–13; *Ильюков, Казакова*, 1988. С. 53–55; *Привалова, Привалов*, 1988. С. 21, рис. 9, 2; *Политович*, 1993. С. 80–81, рис. 49–52; *Клименко*, 1998. С. 85, рис. 26, 9; *Кульбака, Качур*, 2000. С. 51, рис. 9, 1–3; *Цимиданов и др.*, 2013. С. 156, рис. 1). Здесь они датируются узко и относятся к раннему этапу днепродонской бабинской культуры, что в калиброванных радиоуглеродных значениях соответствует XXII–XXI вв. до н. э. В последующие периоды развития культуры Бабино фигурные пряжки неизвестны. Это свидетельствует о том, что в Днепро-Донецком междуречье данный тип изделий, не имеющий местных прототипов, скорее всего, был привнесен сюда из Карпато-Дунайского региона и Центральной Европы. Этот импульс не только был одним из главных в сложении раннебабинских культур (*Черняков*, 1996; *Литвиненко*, 2001. С. 168; 2006; 2009. С. 61; 2013. С. 206; *Лытвиненко*, 2013; *Клочко*, 2006. С. 156; 2012; *Мимоход*, 2016а. С. 46–47), но и привел к тому, что одновременно далеко на северо-востоке можно

³ До этого они известны в некоторых энеолитических культурах (*Hájek*, 1959. S. 289; *Гершкович*, 1986. С. 140).

Рис. 2. Фигурные роговые и бронзовые пряжки бронзового века.

I – крючково-планочные пряжки европейской традиции: 1 – Ярославце (унетицкая культура); 2 – Сёрег, погребение № 156 (культурная группа Сёрег); 3 – Барца 1 (культура Отомань); 4 – Железовце (культура курганных погребений); 5 – Гановце (культура Отомань); 6 – Новолакедемоновка, погребение № 3; 7 – Новоамвросиевка 3/2; 8 – Терны II 4/17; 9 – Беева могила, погребение № 3; 10 – Донецк Текстильщик 4/19;

II – кольцевидно-планочные фигурные пряжки кавказской традиции: 11 – Темрта I 2/7; 12 – Чограй VIII 34/1; 13 – Кевюды I 3/5; 14 – Черноярская 3/10; 15 – Ирганайский 1/1; 16 – Ирганайское поселение; 17 – Гертма III 5/1; 18 – Гертма III 6/3 (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 2. Figned horn and bronze buckles of the Bronze Age.

I – Hook and plank buckles in European tradition: 1 – Jaroslavice (Únětice culture); 2 – Söreg, burial no. 156 (Söreg cultural group); 3 – Barca 1 (Otomani culture); 4 – Železovce (Tumulus culture); 5 – Gánovce (Otomani culture); 6 – Novolakedemonovka, burial no. 3; 7 – Novoamvrosievka 3/2; 8 – Terny II 4/17; 9 – Beyeva Mogila, burial no. 3; 10 – Donetsk Tekstilshchik 4/19;

II – Ring-plank figured buckles in Caucasian tradition: 11 – Temrta I 2/7; 12 – Chogray VIII 34/1; 13 – Kevyudy I 3/5; 14 – Chernoyarskaya 3/10; 15 – Irganay 1/1; 16 – Irganay settlement; 17 – Gertma III 5/1; 18 – Gertma III 6/3 (source references are given in the text)

выделить целый комплекс карпато-дунайских и центральноевропейских аналогий в среде средневожской абашевской культуры (Мимоход, 2016б. С. 37; Кузьминых, Мимоход, 2016. С. 43).

Вторая группа фигурных пряжек – это кольцевидно-планочные изделия кавказской традиции, тип Чограй–Кевюды (рис. 2, II) (Андреева, 1986. Рис. 3, 4; Магомедов, 1990. Рис. 1; Калмыков, 2005. Рис. 2, 6; Калмыков, Мимоход, 2005. Рис. 1; Калмыков, Матюхин, 2007. Рис. 2, 4, 5; Ростунов, 2007. Рис. 42, 5–12; Илюков, Магомедов, 2010. Рис. 1, 2;⁴ Мимоход, 2013. Ил. 57, 1–4). Система крепления здесь несколько иная: глухой конец ремня также крепился к планке, но свободный – захлестывался через кольцо. Как и в случае с днепро-донской бабинской культурой, все поясные детали кавказской традиции сделаны из рога.

⁴ В этой публикации, к сожалению, перепутаны подписанные подписи к рис. 1 и рис. 2.

Основной ареал кольцевидно-планочных пряжек довольно компактен (рис. 1). Он расположен в Восточном Предкавказье, на Северо-Восточном Кавказе и Восточном Закавказье. Следует отметить, что кольцевидно-планочные пряжки представлены двумя вариантами. Собственно фигурные изделия, о которых идет речь в данной работе (рис. 2, II), орнаментированы, им присуща вычурность и образность; их ареал ограничен Восточным Предкавказьем и Северо-Восточным Кавказом. Вторым вариантом – это простые изделия без декора, состоящие из кольца и длинной планки без дополнительных деталей (Мимоход, 2013. Рис. 61, II, 10–15).

Фигурные пряжки кавказской традиции принадлежат трем культурам: лолинской (рис. 2, 11–14), локализуемой в степной зоне Северо-Западного Прикаспия, присулакской (рис. 2, 17, 18) в предгорной и гинчинской (рис. 2, 15, 16) в горной зонах Северо-Восточного Кавказа (рис. 1). Изделия всех

трех культур синхронны. В гинчинско-присулакских древностях поясные детали маркируют поздние стадии их развития, в лолинской культуре они относятся к раннему этапу (*Мимоход*, 2013. С. 244–251). Хронология всех фигурных пряжек кавказской традиции укладывается в XXII–XXI cal. BC.

Механизмы распространения крючковых пряжек европейской (Бабино) и кольцевидно-планочных изделий кавказской (Лола) традиций имеют структурное сходство. В обоих случаях появление планочных поясных изделий в восточноевропейской степи связано с миграционными импульсами из Карпато-Подунавья – Центральной Европы и Восточного Кавказа, приходящихся, соответственно, на период резкой аридизации климата. Именно эти импульсы определили структуру всего посткатакомбного мира, в котором выделяются культуры культурного круга Бабино и культурного круга Лола (*Мимоход*, 2016б; 2018б).

Важно, что датировки крючковых пряжек днепро-донской бабинской культуры и кольцевидно-планочных изделий кавказской традиции совпадают и приходятся на XXII–XXI cal. BC, что синхронно периоду VgA1b в Карпато-Дунайском регионе и Центральной Европе, где известны фигурные пряжки-запонки. Благодаря этому высока роль фигурных пряжек в определении времени и направленности культурно-генетических процессов, особенно в степной зоне Восточной Европы и на Кавказе. Культурное и хронологическое значения этой категории изделий неоднократно отмечены исследователями, которые рассматривали вопросы типологии, функционального назначения, крепления пряжек к ремню, их изготовления и использования (*Hájek*, 1959; *Гершкович*, 1982. С. 136; *Василенко*, 1999; *Братченко*, 1995. С. 13–14; *Кульбака, Качур*, 2000. С. 38, рис. 9, 7; *Литвиненко*, 2004. С. 264–265; *Калмыков, Мимоход*, 2005. С. 221–223; *Усачук*, 2007; *Ильюков, Магомедов*, 2010. С. 51–52; *Мимоход*, 2013. С. 104–124; *Ильюков*, 2014; 2016).

Отдельное направление исследований – **семантика пряжек**. Изящные и детализированные изделия, нередко покрытые декором, всегда вызывали интерес с точки зрения идентификации образа, который они передают. Еще в начале прошлого века В. А. Городцов отметил черты антропомор-

физма на бабинской пряжке из Камышеваха 5/1⁵ (*Городцов*, 1907. С. 357). Как зооморфную оценивал форму фигурных пряжек европейской традиции Я. П. Гершкович (1979. С. 59; 1986. С. 45). В частности, на примере роговой пряжки из г. Донецк Текстильщик 4/19 (рис. 2, 10) он предположил, что изделия «передают схематическое изображение головы быка: косые прорезы по бокам в верхней части могут быть поняты как рога, а пара симметрично расположенных отверстий на щитке – глаза этого животного» (*Гершкович*, 1986. С. 136). Однако исследователь не дал объяснения, что могут изображать два вверх поднятых отростка в нижней части изделия, которые, как будет показано ниже, являются структурными элементами для правильного распознавания образа. В своей статье Я. П. Гершкович привел мнение В. В. Отрощенко, посчитавшего, что пряжки передают антропоморфные изображения (Там же). Позже исследователь высказал его уже в собственной публикации (*Отрощенко*, 2001. С. 88), однако без должных разъяснений: какие черты у изделий антропоморфные, зооморфные, и кто собственно изображен? К зооморфным бабинские пряжки относит О. Г. Вангородская, полагая, что изделия напоминают голову животного без уточнения, какого именно (*Вангородская*, 1987. С. 45).

Пожалуй, наиболее предметно к изучению первичной семантики фигурных пряжек подошла М. В. Андреева. На примере кольцевидно-планочного изделия кавказской традиции из Чограй VIII 34/1 (рис. 2, 12) она предложила рассматривать пряжку как зооантропоморфную фаллическую фигурку (*Андреева*, 1986. С. 232, рис. 3, 4). Это было первое найденное фигурное изделие кавказской традиции и первое – с явно выраженной фаллической деталью. Исследовательница не ограничилась простой констатацией зооантропоморфности образа, но идентифицировала детали: «Голову фигурки венчают полукруглые рога, грудь подчеркнута окружностями, под которыми смодели-

⁵ Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем – номер погребения: Камышеваха 5/1 соответствует могильник Камышеваха, курган № 5, погребение № 1; Донецк Текстильщик 4/19 соответствует могильник Донецк Текстильщик, курган № 4, погребение № 19. В тексте слово «могильник», как правило, опускается.

лированы небольшие выступы (руки?, крылья?), в животе сделано округлое отверстие, по обеим сторонам которого показан пояс» (Там же. С. 233–234). Добавлю, что два отростка в нижней части кольца являются ногами, а выступ между ними фаллосом. С. Н. Братченко поддержал идею М. В. Андреевой о зооантропоморфности чограйского изделия (*Братченко*, 1995. С. 11, 14).

Существует единственная специальная работа, посвященная семантике бабинских фигурных пряжек европейской традиции (*Степанов*, 2008). Ее автор в передаваемом изделиями образе видит изображения рогатых змей, находя аналогии в орнаментальных мотивах трипольской культуры. Данные сходства не имеют никакой структуры, они единичны и умозрительны. М. В. Степанову не удалось показать хоть какие-нибудь звенья, связывающие изображения земледельческих культур энеолита с бабинскими пряжками финала среднего бронзового века. Не вызывает сомнения, что все бабинские крючково-планочные пряжки передают единый образ, соответственно, для восприятия изображения они и должны располагаться одинаково. Однако на рисунках М. В. Степанов помещает их согласно своей интерпретации – то планкой вверх, то вниз (Там же. Рис. 1, 1, 3–5; 5, 8).

Пожалуй, лучше всего противоречивость распознавания образа, который передают пряжки, отразилась в недавней работе В. В. Рогудеева. Рассматривая фигурные поясные детали кавказской традиции, более реалистичные изделия (рис. 2, 12, 13) он трактует как антропо-зооморфные, а стилизованные предметы того же типа (рис. 2, 14, 15) – как зооморфные (*Рогудеев*, 2015. С. 79). Несмотря на то что статья посвящена семантике пряжек всех типов, никаких доводов в пользу подобных интерпретаций в ней не приведено.

Таким образом, предложенные интерпретации образов, которые передают пряжки кавказской и европейской традиций, делятся на две основные группы. Одни исследователи видят в изделиях только зооморфные черты (*Гершкович*, 1979; 1986; *Вангородская*, 1987; *Степанов*, 2008; *Рогудеев*, 2015), другие – зооантропоморфные (*Андреева*, 1986; *Братченко*, 1995; *Василенко*, 1999; *Магомедов*, 1990; *Кульбака*, *Качур*, 2000. С. 38; *Илюков*, *Магомедов*, 2010; *Рогудеев*, 2015). Третья точка зрения,

согласно которой речь идет об антропоморфности передаваемых образов, была кратко изложена мной на примере пряжек кавказской традиции (*Мимоход*, 2013. С. 112, 116; 2018a). Остановлюсь на этом подробнее.

Не вызывает сомнений, что пряжки обеих традиций имеют облик каких-то фигур. Соответственно, для установления их первичной семантики необходимо правильно расположить изделие в пространстве так, как фигура воспринималась в реальности. Следует подчеркнуть, что мы имеем дело с поясными пряжками, а не скульптурой в чистом виде (ср.: *Гершкович*, 1986. С. 140). Когда пряжки носились на ремне, их реальное расположение хорошо устанавливается. Оно является горизонтальным в соответствии с креплением к концам ремня. Только в работах С. Н. Братченко на иллюстрациях поясные детали обеих традиций даны в горизонтальном положении (*Братченко*, 1985. Рис. 123, 11; 1995. Рис. 2, 16, 17; 2006. Рис. 111, 16, 17).⁶ Во всех остальных публикациях изображения пряжек представлены в вертикальной позиции, и это неспроста. Обоснованно или чисто интуитивно исследователи понимали, что образ лучше опознается именно в вертикальном положении. М. В. Андреева, вертикально разместив чограйскую пряжку (рис. 2, 12), справедливо отметила, что «предмет был рассчитан на рассматривание его спереди и сбоку» (*Андреева*, 1986. С. 234). Восприятие образа этого изделия в вертикальной позиции, равно как и других пряжек кавказской традиции, было настолько очевидно, что С. Н. Братченко, который всегда в своих работах помещал пряжки в горизонтальном положении, предположил, что чограйское изделие могло скреплять ремень именно в вертикальном положении при помощи двух дополнительных параллельных узких ремней (*Братченко*, 1995. С. 14).⁷

⁶ В горизонтальной позиции представлена чограйская пряжка кавказской традиции (рис. 2, 12) и в работе А. И. Василенко (1999. Табл. I), которая посвящена исключительно креплению изделия к ремню.

⁷ Впрочем, это предположение не соответствует действительности. Обнаружение ряда кольцевидно-планочных пряжек *in situ* недвусмысленно указывает на то, что они скрепляли пояс в горизонтальном положении. Пряжки лежали в районе таза перпендикулярно позвоночнику, непосредственно по линии реконструируемого пояса (*Калмыков*, *Мимоход*, 2005. С. 225; 2013. С. 110).

Таким образом, сложилась несколько парадоксальная ситуация. С одной стороны, на поясе фигурные пряжки носились в горизонтальном положении, в то время как их образ распознается только при вертикальной позиции. Возможно, в этом нет противоречия, если принимать во внимание большую редкость фигурных пряжек, пояса с которыми едва ли использовались в повседневной жизни. Скорее всего, они были признаком статуса и элементом ритуальной практики (см. *Гершкович*, 1986. С. 136; *Андреева*, 1986. С. 234; *Калмыков*, *Мимоход*, 2005. С. 225; *Мимоход*, 2013. С. 111). Остается неизвестно, в каких ритуалах, помимо погребального, использовался пояс с пряжкой. Можно предположить, что в определенных случаях (например, подвешивание на шест или на столб и т. д.) пояс располагался так, что пряжка полностью раскрывала образ, находясь в вертикальном положении. Очевидно, что первичную семантику пряжек можно установить, рассматривая их только в вертикальной позиции.

Расположив изделие вертикально, необходимо установить, где у него находятся верх и низ. На пряжках кавказской традиции (рис. 2, II) хорошо опознаются ноги, а в долинской серии – фаллос (рис. 2, II–14) и глаза (рис. 2, II–13, 15, 17, 18). Во всех публикациях, за редкими исключениями, они расположены правильно с точки зрения распознавания образа.⁸ Несколько сложнее обстоит дело с пряжками европейской традиции (рис. 2, I). Здесь нет ни фаллических деталей, ни четко опознающихся ног. Отсюда в бабинской серии имеется некий разнобой в том, как представлены пряжки в публикациях:

⁸ Исключением является работа В. Кульбаки и В. Качура, в которой пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (рис. 2, 12) дана вверх ногами, а сами ноги интерпретированы как рога (*Кульбака*, *Качур*, 2000. С. 38, рис. 9, 7). При этом само изделие исследователи рассматривают не как элемент ремня, который принадлежал человеку, а как деталь конской упряжи, что противоречит всей сумме имеющихся на данный момент фактов. Еще один вариант интерпретации пряжки (рис. 2, 13), когда два дуговидных выступа в нижней части кольца рассматриваются как рога, принадлежит А. Р. Канторовичу. Об этой устной гипотезе было упомянуто в работе А. А. Калмыкова и А. Д. Матюхина. По мнению А. Р. Канторовича, «при размещении пряжки в горизонтальном положении роговидными выступами вперед в ней угадывается изображение лежащего быка» (*Калмыков*, *Матюхин*, 2007. С. 82). Однако в таком случае объяснение находят только эти выступы, но без всех остальных деталей (центральный выступ в нижней части кольца, треугольные выступы и «глаза» на планке).

часть из них помещена планкой вниз и щитком вверх (*Гершкович*, 1986. Рис. 2–5; *Березанская*, 1986. Рис. 8, 4; *Привалова*, *Привалов*, 1988. Рис. 9, 2; *Кульбака*, *Качур*, 2000. Рис. 9, 2; *Литвиненко*, 1996а. Рис. 1, 9; 1996б. Рис. 1, 3, 4, 6; *Клименко*, 1998. Рис. 26, 9; *Ильюков*, 2016. Рис. 1), а часть – наоборот (*Латынин*, 1967. Рис. 26; *Ковалева и др.*, 1987. Рис. 6, 12; *Политович*, 1993. Рис. 52, 2; *Циміданов и др.*, 2013. Рис. 1, 4; 2013. Ил. 61, 5–9; *Ильюков*, 2014. Рис. 1, 2). Такая же ситуация характерна и для изделий из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, где пряжки помещены то планкой вверх (*Bóna*, 1975. Taf. 127, 3, 7; *Müller-Karpe*, 1974. Taf. 520, 9; *Machnik*, 1978. Tabl. IV, 11, 12; 1991. Fig. 7, 29; 21, 14; *Paulik*, 1980. Abb. 87; *Hänsel*, *Medović*, 1994. Abb. 6, 2), то вниз (*Prox*, 1941. Taf. XXXIII, 1, 2; *Hájek*, 1959; *Hänsel*, 1968. Taf. 2, 30; 12, 9, 12; 50, 2; *Machnik*, 1978. Tabl. XXIV, 5, XXV, 34; 1991. Fig. 7, 20). Изредка они подаются в горизонтальном положении (*Müller-Karpe*, 1980. Taf. 293, F. 1–3, 295, F. 10, 11; *Hafner*, 1998. Abb. 6, 38).

В правильном (с точки зрения передачи образа) расположении пряжек европейской традиции ключевыми являются «глаза» – это нефункциональные отверстия или соответствующий узор на щитке (рис. 2, 4, 9, 10, 11, 13). При таком «прочтении» щиток является стилизованной головой, и, соответственно, для передачи образа пряжки европейской традиции должны располагаться планкой вниз, а щитком вверх (рис. 2, I).

Таким образом, разделение пряжек на европейскую и кавказскую традиции правомерно не только с точки зрения системы крепления ремня, но и передаваемого образа. При правильном расположении пряжек кавказской традиции планка, за которую крепится глухой конец ремня, будет находиться сверху (рис. 2, II), а у изделий европейской традиции, наоборот, – внизу (рис. 2, I).

Распознавание образов, которые передают фигурные пряжки, лучше начать с изделий кавказской традиции, имеющих ряд хорошо опознаваемых деталей. В первую очередь, это глаза: их роль играли либо функциональные отверстия для крепления глухого конца ремня (рис. 2, II, 15, 17, 18), либо чисто декоративные округлые углубления, вырезанные на планке (рис. 2, 12, 13). Следует отметить немаловажную деталь, отличающую

лолинскую серию от гинчинско-присулакской, — это четко оформленный центральный выступ в нижней части кольца (рис. 2, 11–14). Расположение его между двумя отростками, которые уверенно можно интерпретировать как ноги на кевюдской и чограйской пряжках (рис. 2, 12, 13), позволяет рассматривать эту деталь как фаллос. Причем на изделии из Темрты он имеет характерную фигурную форму (рис. 2, 11). Эта деталь в семантическом отношении настолько важна, что она сохраняется даже на самой стилизованной пряжке из Чернойарской (рис. 2, 14). Из гинчинско-присулакской серии полностью сохранились два изделия (рис. 2, 15, 17), лишенные фаллической детали.

Особый интерес с точки зрения семантики вызывают треугольные (или заоваленные) выступы на планке, направленные вершинами к кольцу. Они присутствуют на всех предметах (рис. 2, 12–17), кроме пряжек из Темрта I 2/7 и Гертма III 6/3 (рис. 2, 11, 18). На примере чограйской пряжки (рис. 2, 12) на их значение обратила внимание только М. В. Андреева, но она так и не определилась, крылья это или руки (Андреева, 1986. С. 233–234). Исходя из уже опознанных деталей на пряжках кавказской традиции, логично предположить, что выступами обозначены именно руки. Однако они имеют странную треугольную форму, в то время как ноги показаны обычными отростками или выступами.

Объяснение может быть найдено, если предположить, что «крыловидная» форма этих деталей появилась из-за того, что на пряжках стилизованно изображена поза адорации, то есть руки согнуты в локтях под острым углом, а кисти находятся в районе груди. Иными словами, треугольные выступы — это сильно согнутые в локтевых суставах руки (рис. 3, 1). Убедительные аналогии подобной «крыловидности» рук имеются в иконографическом изображении адорантов Ближнего Востока (рис. 3, II, 9–15 — Frankfort, 1935. Fig. 63–73; 1936. Fig. 30; 1939. Pl. 1, 5, 7–12; Koşay, 1951. Pl. CXCIV; Al-Gailani, 1972. Pl. XXII–XXIII; Lloyd, 1978. Fig. 101; 102; Joukowsky, 1986. Fig. 243a; Gods and Goddesses, 1992. Fig. 98; 99; Moorey, 2003. Pl. 7, 10–12; Rice, 2004. Fig. 4.5, a; и др.). В качестве весомого доказательства предложенной интерпретации приведу две каменные фигурки идолов типа Килия, представляющие собой изображения адорантов из позднееолитического

слоя преисторического Афродизиаза в Анатолии (Joukowsky, 1986. Fig. 197; 198; 207; 208). Они имеют те же размеры, что и лолинские пряжки, и уверенно интерпретируются специалистами в качестве стилизованных антропоморфных идолов. У анатолийских изделий в верхней части находятся треугольные выступы, аналогичные по форме тем, что присутствуют у пряжек кавказской традиции. Здесь они названы «руками в виде плавника». На одной из фигурок руки показаны в виде треугольных выступов (рис. 3, 13 — Ibid. Fig. 197; 207), как и в наших случаях (рис. 3, 2–7), а на второй, аналогичной по форме и происходящей из того же слоя, на выступах линией обозначены предплечья, направленные к груди (рис. 3, 14), что отметила и автор публикации (Ibid. P. 206, fig. 198; 208).

Аналогичные детали имеются и на фигурке из храма Сина городища Хафаджа в Месопотамии, которая датируется второй половиной III тыс. до н. э. Здесь согнутые в локтях руки также показаны только линиями (рис. 3, 12⁹ — Frankfort, 1936. Fig. 30, 302). Иконография рук на этой статуэтке чрезвычайно близка пряжкам кавказской традиции.

Характерный для лолинской культуры адоративный обряд погребения, впервые как системное явление распространившийся в степи после майкопской культуры, — еще одно подтверждение, что в случае с посткатакомбными предкавказскими пряжками мы имеем дело со стилизованными изображениями мужчин-адорантов. Такой же обряд был характерен и для гинчинско-присулакских древностей.

Из этого ряда как будто выбивается пряжка из Темрта I 2/7 (рис. 3, 1), не имеющая характерных треугольных выступов. В этом случае скорее нефункциональные парные дугообразные прорезы в теле пряжки должны быть синонимичны треугольным выступам. Мастер, вырезавший темртинскую пряжку, просто избрал иной прием для того, чтобы показать адоративную позицию фигурки. Парные дугообразные прорезы в нижней части планки (рис. 3, 1) рельефно и более реалистично показывают руки (компакта рога между отверстиями и по бокам от них), согнутые в локтях и скрещенные

⁹ Деталь на голове этой фигурки семантического значения не имеет, так как изделие является подвеской, а выступ — петелькой для подвешивания.

Рис. 3. Фигурные роговые пряжки кавказской традиции и ближневосточная мелкая пластика.

I – кольцевидно-планочные фигурные пряжки кавказской традиции: 1 – Темрта I 2/7; 2 – Чограй VIII 34/1; 3 – Кевюды I 3/5; 4 – Чернораяская 3/10; 5 – Ирганайский 1/1; 6 – Ирганайское поселение; 7 – Гертма III 5/1; 8 – Гертма III 6/3;

II – ближневосточная мелкая каменная и глиняная антропоморфная пластика: 9 – Тель Асмар, квадратный храм (Месопотамия, второй раннединастический период, 2600–2500 BC); 10 – терракота старовавилонского периода (Месопотамия, 1900–1750 BC); 11 – бассейн р. Дияла, третий раннединастический период (Месопотамия, 2500–2315 BC); 12 – Хафаджа (Месопотамия, третий раннединастический период, 2500–2315 BC); 13, 14 – идола типа Килия (Анатолия, позднеэнеолитический слой Афродизиаза); 15 – Асаги Пинар (Анатолия, халколит) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 3. Figured horn buckles in Caucasian tradition and Near East small plastic art.

I – Ring-plank figured buckles in Caucasian tradition: 1 – Temrta I 2/7; 2 – Chogray VIII 34/1; 3 – Kevyudy I 3/5; 4 – Chernoyarskaya 3/10; 5 – Irganay 1/1; 6 – Irganay settlement; 7 – Gertma III 5/1; 8 – Gertma III 6/3;

II – Near East stone and clay anthropomorphic plastic art: 9 – Tell Asmar, square temple (Mesopotamia, second Early Dynastic period, 2600–2500 BC); 10 – terracotta of the Old Babylonian period (Mesopotamia, 1900–1750 BC); 11 – basin of the Diyala River, third Early Dynastic period (Mesopotamia, 2500–2315 BC); 12 – Khafajah (Mesopotamia, third Early Dynastic period, 2500–2315 BC); 13, 14 – Kiliya-type idols (Anatolia, Late Eneolithic layer at Aphrodisias); 15 – Aşağı Pınar (Anatolia, Chalcolithic) (source references are given in the text)

кистями чуть ниже груди. Традиция оформления согнутых рук при помощи отверстий в теле фигуры известна на Ближнем Востоке и на Балканах с энеолита (рис. 3, 15 – *Lloyd*, 1978. Fig. 45; *Gods and Goddesses*, 1992. Fig. 83, 92; *Kadinlary*, 2006. Fig. 21).¹⁰

Таким образом, роговые пряжки кавказской традиции (рис. 3, 1) представляют собой антропоморфные фигурки с согнутыми в локтях руками, кисти которых находятся на груди, – фигурки-адоранты.

Особый интерес вызывает пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (рис. 4, 1). Здесь кроме глаз, рук¹¹ и фаллоса показан собственно сам пояс по обеим сторонам кольца и дополнительная деталь сверху головы, фактически аналогичная расположенным ниже глазам. Эту последнюю М. В. Андреева назвала «полукруглыми рогами» (*Андреева*, 1986.

С. 234). Такая интерпретация элемента привела исследовательницу к мнению об зооантропоморфности пряжки, как и остальных исследователей, считавших, что в фигурке сочетаются черты человека и животного. Обратим внимание, что по форме и размерам округлых вырезоз (собственно глаз) и точечной орнаментации вокруг них «рога» очень близки находящейся ниже голове с глазами. Ключ к пониманию значения этой детали можно найти среди мелкой пластики Ближнего Востока.

С позднего халколита на Ближнем Востоке распространяются культы глазастых идолов (*eye-idols*) (*Mallowan*, 1947. P. 198–200; *Buren*, 1950; 1955). В этих статуэтках нет деталей тела (рук, ног и т. д.), но выражены глаза и иногда головные уборы (рис. 4, 2–7). Много таких статуэток, по размерам вполне

Рис. 4. Чограйская роговая пряжка и скульптуры глазастых идолов (*eye-idols*) из Месопотамии и Сирии: 1 – роговая пряжка из Чограй VIII 34/1; 2–7 – алебастровые глазастые идолы (*eye-idols*) из теля Брак (XXX в. до н. э., Урук III–Джемдет-Наср); 8, 9 – терракотовые статуэтки глазастых идолов старовавилонского периода (Месопотамия, 1900–1750 BC); 10 – тель Умм эль-Марра (Западная Сирия, средний бронзовый век) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 4. Chogray horn buckle and sculptures of eye idols from Mesopotamia and Syria: 1 – horn buckle from Chogray VIII 34/1; 2–7 – alabaster eye idols from Tell Brak (30th century BC, Uruk III– Jemdet Nasr); 8, 9 – terracotta figurines of eye idols of the Old Babylonian period (Mesopotamia, 1900–1750 BC); 10 – Tell Umm el-Marra (West Syria, Middle Bronze Age) (source references are given in the text)

¹⁰ У пряжки из комплекса Гертма III 6/3 (рис. 3, 8) руки в морфологии пряжки вообще не показаны. Возможно, они намечены нарезными линиями в нижней части планки. Некоторые из этих штрихов с определенной долей вероятности можно интерпретировать как адоративную позицию рук.

¹¹ На примере этой пряжки обращает внимание важность треугольных выступов на планке (руки) с точки зрения иконографии образа. Здесь они очень мелкие, но мастер их четко обозначил и отделил от головы с глазами, тем самым показав этот отдельный смысловой элемент изделия.

сопоставимых с пряжками, происходит из теля Брак периода Урук III–Джемдет-Наср (*Mallowan*, 1947. Pl. XXVI, LI; *Oates*, 2005. P. 15, fig. 10). Известны они и на других памятниках, в частности на Тепе Гавра и позднее – на теле Хазна (*Speiser*, 1935. Pl. XLIV, c; *Tobler*, 1950. Pl. XII, b; LXXXVI, a; CLVI, 60, 61; CLVII, 62–67; *Мунчаев, Амиров*, 2016. С. 316, табл. 11, 848). Среди этих статуэток для интерпретации

чограйской пряжки интерес представляют алебастровые фигурки теля Брак, тип 3 (eye-idols: type 3 – multiple idols) по типологии М. Маллоуэна. Это статуэтки, которые имеют не пару глаз, а две или даже три пары глаз (Mallowan, 1947. Р. 198). Причем в ряде случаев они располагаются в вертикальной позиции друг над другом (рис. 4, 7), как на поясной детали из Чограй (рис. 4, 1). Интерпретация подобных изделий с двумя парами глаз связана с семейными (муж и жена) или близнечными культами (Mallowan, 1947. Р. 198; Buren, 1950. Р. 141). Известны идолы-адоранты с четырьмя глазами и в более позднее время, в частности, в Месопотамии старовавилонского периода и в материалах теля Умм эль-Марра этого же времени в Западной Сирии (рис. 4, 8–10¹² – Schwartz et al., 2012. Fig. 22). В любом случае, исходя из ближневосточных соответствий и их интерпретаций, можно констатировать, что ничего зооморфного в пряжке из комплекса Чограй VIII 34/1 нет. Образы, которые передают фигурные поясные детали кавказской традиции, являются полностью антропоморфными.

Для кольцевидно-планочных изделий следует обратить внимание на некоторые факты, вносящие смысловую градацию в пряжки кавказской традиции. Речь идет о различиях между лолинскими (рис. 3, 1–4) и гинчинско-присулакскими (рис. 3, 5–8) поясными деталями. В морфологическом отношении замечен более детализированный вид изделий лолинской культуры. Они выглядят более объемными по сравнению с северокавказскими изделиями, которые в основном имеют плоскую форму. Л. С. Ильюков и Р. Г. Магомедов называют их «пластинчатыми» (Ильюков, Магомедов, 2010. С. 48). Эффект объемности у лолинских предметов из Чограй и Кевюды достигается за счет их толщины, а у пряжки из Темрта – благодаря довольно изогнутой в сечении форме.

У гинчинских и присулакских пряжек все морфологические декоративные детали, несущие исключительно семантическую нагрузку, являются более стилизованными. У них нет таких выраженных дугообразных выступов (ног), как у лолинских экземпляров из Чограй VIII 34/1 и Кевюды I 3/5 (рис. 3, 2, 3). На гинчинских пряжках эти детали

едва намечены небольшими округлыми выступами (рис. 3, 5, 7). Редуцированными выглядят треугольные выступы (руки) при переходе кольца в планку (рис. 3, 5–7). На одной присулакской пряжке они отсутствуют вовсе (рис. 3, 8).¹³ Нет у изделий Северо-Восточного Кавказа характерных округлых деталей в верхней части, как у кевюдской и чограйской пряжек, и удлиненных декоративных вырезов на планке, как у экземпляра из Темрта. У лолинских изделий всегда декорирована только внешняя сторона (рис. 3, 1–3), рассчитанная на восприятие. Присулакские пряжки орнаментированы с обеих сторон (рис. 3, 7, 8), и в этом отношении они ближе к статуарным образам, особенно это касается экземпляра из комплекса Гертма III 5/1 (рис. 3, 7). Отличается и техника нанесения декора. Лолинские экземпляры украшены только точечным узором (рис. 3, 1–3), на гинчинско-присулакских изделиях чаще встречается циркульный орнамент, косые насечки, перевернутые углы и вертикальная волна (рис. 3, 6–8).

Вернемся к вышеупомянутому морфологическому различию пряжек, которое может иметь и семантическое значение. У всех раннелолинских пряжек имеется выступ-фаллос в центре нижней части кольца (рис. 3, 1–4), который сохраняется даже на самом стилизованном предмете этой группы (рис. 3, 4). Из четырех северокавказских пряжек только две сохранили полную форму (рис. 3, 5, 7), но ни одна не имеет этой детали, хотя стилизованные ноги показаны характерными выступами. Здесь заманчиво предположить, что гинчинско-присулакские пряжки также передают антропоморфный образ (у них присутствует ряд характерных деталей), но женский.

Подтверждение подобной трактовке дает пряжка из Гертма III 5/1 (рис. 5, 1), на которой, благодаря орнаментации, хорошо опознаются передняя и задняя стороны. На лицевой части четко видны глаза, нос, рот, ниже расположены три окружности, выполненные циркульным орнаментом, и перевернутый угол. На обратной стороне нанесены две вертикальные параллельные волны. Это антропоморфная адоративная фигурка, а отсутствие у нее фаллоса помогает

¹² Фото (рис. 4, 8, 9; 7, 18) сделаны мною в археологическом музее Алларда Пирсона в Амстердаме.

¹³ Кстати, это лишний раз свидетельствует в пользу того, что эти элементы не несли функциональной нагрузки ни у гинчинских, ни у лолинских пряжек.

Рис. 5. Роговая пряжка из Гертма III 5/1 (1) присулакской культуры (Северо-Восточный Кавказ, XXII–XXI вв. до н. э.) и изображения беременных богинь из теля Брак (2) (Урук III–Джемдет-Наср, XXX в. до н. э.) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 5. Horn buckle from Gertma III 5/1 (1) Sulak culture (North-Eastern Caucasus, 22nd–21st century BC) and representations of pregnant goddesses from Tell Brak (2) (Uruk III – Jemdet Nasr, 30th century BC) (source references are given in the text)

определить половую принадлежность. Ключевыми в этом отношении могут оказаться окружности и перевернутый угол, расположенные ниже головы; когда я впервые анализировал иконографию этого предмета, мне было сложно понять их значение (Мимоход, 2013. С. 116). Сейчас следует отметить, что в этой (нижней) части композиции присутствуют те же элементы, которые есть на лице фигурки: окружности, выполненные в циркульной технике, и угол. Расположение угла между двумя окружностями создает впечатление некой антропоморфности (личина), и здесь вторая личина расположена внутри тела человека (рис. 5, 1), а не над головой (рис. 4, 1). Найти возможное объяснение помогают алебастровые статуэтки глазастых идолов из теля Брак. М. Маллоуэн выделяет среди них тип 4 (mother and child idols), когда маленький идол (детский) заключен в теле материнского идола (рис. 5, 2). Эти статуэтки, бесспорно, трактуются как изображения беременных женщин (Mallowan, 1947. P. 199). В таком ключе можно рассматривать и гертминскую фигурку-пряжку (рис. 5, 1). Отсутствие фаллоса, вторая личина в теле фигурки (беременность) позволяют видеть в гинчинско-присулакских пряжках, по крайней мере в изделиях из комплексов Ирганайский 1/1 и Гертма III 5/1 (рис. 3, 5, 7), изображения женщин-адорантов. Это подтверждает и вертикальная волна на задней стороне гертминской поясной детали (рис. 5, 1). В свете вышесказанного весьма вероятно, что здесь показана прическа в виде косы.

Интересны антропологические данные погребений, в которых обнаружены пряжки кавказской традиции. Все изделия типа Чограй–Кевюды лолинской культуры (рис. 3, 1–4), изображающие мужчин-адорантов, обнаружены исключительно в захоронениях мужчин старше 30 лет, где скелеты лежали в позе адорации. Производные от пряжек типа Чограй–Кевюды более поздние модификации без признаков антропоморфизма изделия типа Ипатово–Типки тоже найдены только в погребениях взрослых мужчин (Калмыков, Мимоход, 2005. С. 225, рис. 14, 4–5; Мимоход, 2013. С. 111, ил. 60, 5–8).

Ситуация с фигурными поясными деталями гинчинско-присулакских древностей, которые, возможно, изображали женщин-адорантов, выглядит принципиально иной. О том, кому принадлежала пряжка из комплекса Ирганай 1/1 (рис. 3, 5), судить сложно. Оно было ограблено, в склепе обнаружены кости двух взрослых индивидов и ребенка без анатомического порядка (Магомедов, 1990. С. 41). В комплексе Гертма III 5/1 пряжка (рис. 3, 7) находилась в захоронении подростка 10–12 лет, а в Гертма III 6/3 поясная деталь (рис. 3, 8) сопровождала ребенка 4–6 лет (Илюков, Магомедов, 2010. С. 47, 48). В могильнике Ханлар (Азербайджан) кольцевидно-узкопланочная пряжка, утратившая следы антропоморфизма, найдена в женском погребении (Гуммель, 1940. С. 70, фиг. 30, 15). Иными словами, в предкавказской степной лолинской культуре фаллические адоративные фигурки

обнаружены исключительно в захоронениях мужчин среднего и преклонного возраста, в то время как на Кавказе они встречаются в детских и женском захоронениях. На мой взгляд, это косвенно свидетельствует о том, что гинчинско-присулакские пряжки могли изображать женщин, по крайней мере изделия, сохранившие полную форму.

В заключение характеристики образов, которые передают роговые фигурные поясные детали кавказской традиции, стоит напомнить, что в поясных изделиях кавказской традиции свободный конец ремня крепился к пряжке путем захлестывания через кольцо (рис. 2, II). Имеет ли такая особенность крепления пояса определенную семантическую нагрузку, помогает понять ближневосточная мелкая пластика. Важным связующим звеном выступает пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 (рис. 2, 12), на которой вокруг кольцевого отверстия показан пояс (Андреева, 1986. С. 234). Его расположение по отношению ко всем остальным антропоморфным элементам фигурки показывает, что при использовании ремень на теле человека находился в районе пояса или пупка. В ближневосточной мифологической традиции образ пупа, как связанный с материнскими и другими культами,¹⁴ имеет большое значение. Пупок нередко изображался на разного рода скульптурах, в том числе и на предметах мелкой пластики (рис. 4, 8–10; 6 – *Frankfort*, 1935. Fig. 73; *Pendlebury*, 1963. Pl. XII, 2; *Yakar*, 1985. Fig. XIII, 34; XIV, 5, 19; *Gods and Goddesses*, 1992. Fig. 84; 92; 93). Значение его было настолько велико, что в некоторых случаях это был единственный элемент, который показывался на теле, увенчанном вполне реалистичной головой (рис. 6, 1, 4). Нередко пуп представлял собой сквозное отверстие на мелких скульптурах, в том числе и адоративных (рис. 4, 8, 9; 6, 3–5).

Принимая во внимание, что фактически все антропоморфные элементы поясных деталей кавказской традиции находят структурные соответствия в ближневосточной и восточносредиземноморской пластике, логично предположить, что при реализации ее стандартов на пряжке именно пуп трансформировался в кольцо, сохранив при этом

свое семантическое значение.¹⁵ Структурная аналогия такой трансформации будет показана ниже на примере пряжек европейской традиции.

Таким образом, роговые фигурные пряжки кавказской традиции (рис. 3, 1) являются полностью антропоморфными. На большинстве из них хорошо опознаются голова, глаза, руки, ноги и пуп. Они передают образ стоящего индивида, руки которого находятся в позе адорации. В среде скотоводческой долинской культуры пряжки имели ярко выраженную фаллическую символику и, безусловно, передавали мужской образ. В гинчинской и присулакской культурах, у которых хорошо фиксируется земледельческо-скотоводческий уклад с соответствующими культами, вероятно, есть пряжки, изображающие адорантов-женщин, и пока не найдены изделия, которые достоверно можно интерпретировать в качестве мужских фигурок.

Обратимся к *пряжкам европейской традиции*. Учитывая, что в правильном их расположении главную роль играют элементы, не несущие функциональной нагрузки и интерпретирующиеся как глаза, то эта часть фигурки вместе с округлым щитком опознается как голова (рис. 7, I, 4, 10, 11, 13),¹⁶ если щиток находится сверху (рис. 7, I). У большинства изделий в такой позиции ниже щитка (головы) имеются подтреугольные выступы (рис. 7, I, 1–4, 6–10, 12), которые, как и похожие выступы на пряжках кавказской традиции, не несут функциональной нагрузки с точки зрения крепления ремня. По аналогии с кавказскими поясными деталями эти выступы на изделиях европейской традиции можно интерпретировать как руки. Однако их расположение на пряжках разное. Здесь выступы направлены вверх, соответственно, их можно интерпретировать как сильно стилизованные поднятые и разведенные в стороны руки – «поза оранта». Последняя хорошо представлена на мелкой пластике Ближнего Востока и Восточного Среди-

¹⁴ Ср., например, расхожее «пуп земли» и его значение в различных космологических системах.

¹⁵ Стоит обратить внимание на очевидные сходства чограйской пряжки (рис. 4, 1) с мелкой терракотой старовавилонского периода. У всех изделий показаны ноги, руки в позе адорации, голова с четырьмя глазами и пупок. Только в Месопотамии с ее развитыми земледельческим культами – это женские фигурки, а в скотоводческой долинской культуре – мужская.

¹⁶ У некоторых экземпляров западного ареала эта морфологическая и семантическая деталь очень маленькая, а планка, наоборот, большая (рис. 7, 3, 5).

Рис. 6. Ближневосточная и средиземноморская мелкая каменная и глиняная пластика – антропоморфные статуэтки с изображением пупка: 1 – Кюль-Тепе (Анатолия, ранний бронзовый век III, 2300 BC); 2, 3 – Алишар-Хююк (Анатолия, ранний бронзовый век III, 2300 BC); 4 – Крит, раннеминойский период III (2300–2160 BC); 5 – Караоглан (Анатолия, III тыс. до н. э.) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 6. Near East and Mediterranean stone and clay small plastic art – anthropomorphic statuettes with representation of an omphalos: 1 – Kültepe (Anatolia, Early Bronze Age III, 2300 BC); 2, 3 – Alishar-Hüyük (Anatolia, Early Bronze Age III, 2300 BC); 4 – Crete, Early Minoan period III (2300–2160 BC); 5 – Karaoglan (Anatolia, 3rd millennium BC) (source references are given in the text)

земноморья (рис. 7, II, 14–19 – Schmidt E., 1932. P. 2506; Frankfort, 1935. Fig. 28; Bossert, 1937. Abb. 83; 86; Андреев, 2002. Рис. 126; Potts, 2004. Fig. 5.5; Prent, 2005. P. 181–184, tabl. 6; Kadinlary, 2006. Pic. 29, M 11, M 12, tabl. 1; и др.).

Казалось бы, при такой интерпретации вопросы может вызвать сложно стилизованная пряжка бабинской серии из комплекса Донецк Текстильщик 4/19 (рис. 2, 10). Благодаря специальным прорезям у нее верхняя часть щитка в области глаз оформлена в виде своеобразного полумесяца. Именно эта деталь изделия дала основание ряду исследователей рассматривать пряжки европейской традиции как передающие зооморфные образы. В частности, Я. П. Гершкович предлагал рассматривать эту пряжку как изображение головы быка, в котором «косые прорезы по бокам в верхней части могут быть поняты как рога» (Гершкович, 1986. С. 136). При такой интерпретации непонятно, почему они опущены вниз, что противоречит иконографии букраниев. В действительности мастер, вырезавший пряжку из Донецк Текстильщика, придерживался канона изображения головы антропоморфного персонажа, хорошо известного на Ближнем Востоке, при котором предусматривается воспроизведение характерной прически в виде косы, уложенной вокруг головы (Frankfort, 1939. P. 51). При такой стилизации голова

приобретала форму полумесяца, что хорошо прослеживается как в стилизованной (рис. 8, 4 – Koşay, 1951. Pl. CXCIV; Gods and Goddesses, 1992. Fig. 97–99), так и в реалистичной (рис. 8, 5–9) мелкой пластике Ближнего Востока (Frankfort, 1935. Fig. 76; 1939. Pl. 16, 62, 73–76, 79, 82–91; Moorey, 2003. Pl. 12). Таким же образом следует объяснять и характерную форму щитка на пряжке из Железовце (рис. 8, 2). В этом отношении очень показателен циркульный орнамент на щитке роговой поясной детали из погребения 156 Сёрег (рис. 8, 3) одноименной культурной группы. Здесь две нижние окружности опознаются как глаза, которые мастер намеренно поместил в области носа-крючка (см. ниже) и отделил от трех других расположенных в ряд окружностей, которые можно рассматривать как изображение прически (ср. волнистое оформление верхней части щитка-головы). Скорее всего, это стилизованное изображение рельефа косы, уложенной вокруг головы (ср. рис. 8, 5). На примере экземпляров из Донецк Текстильщика, Железовце, Сёрег даже в очень схематичной передаче образа фигурными пряжками европейской традиции можно отыскать соответствующие ключи к его дешифровке.

Важной отличительной чертой пряжек-фигурок европейской традиции является отсутствие в их морфологии элементов, которые можно интерпре-

Рис. 7. Фигурные роговые пряжки европейской традиции и ближневосточная и средиземноморская мелкая пластика.

I – крючково-планочные пряжки европейской традиции: 1 – Ярославлице; 2 – Сёрег, погребение № 156; 3 – Барца 1; 4 – Железовце; 5 – Гановце; 6 – Новолакедемоновка, погребение № 3; 7 – Новоамвросиевка 3/2; 8 – Терны II 4/17; 9 – Беева могила, погребение № 3; 10 – Донецк Текстильщик 4/19; 11 – Новоалександровка 4/1; 12 – Александровск 4/1; 13 – Камышеваха 5/1;

II – ближневосточная и средиземноморская мелкая каменная и глиняная антропоморфная пластика: 14, 15 – Икиз-Тепе (Анатолия, ранний бронзовый век III, вторая четверть III тыс. до н. э.); 16 – Сузы (Иран, XXII–XX вв. до н. э.); 17 – Троя (Анатолия, ранний бронзовый век II, вторая половина III тыс. до н. э.); 18, 19 – Греция, позднеэллиадский период III (XIV–XIII вв. до н. э.) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 7. Figned horn buckles in European tradition and Near East and Mediterranean small plastic art.

I – Hook and plank buckles in European tradition: 1 – Jaroslavice; 2 – Söreg, burial no. 156; 3 – Barca 1; 4 – Železovce; 5 – Gánovce; 6 – Novolakedemonovka, burial no. 3; 7 – Novoamvrosievka 3/2; 8 – Terny II 4/17; 9 – Beyeva Mogila no. 3; 10 – Donetsk Tekstilshchik 4/19; 11 – Novoaleksandrovka 4/1; 12 – Aleksandrovsk 4/1; 13 – Kamyshevakh 5/1;

II – Near East and Mediterranean stone and clay anthropomorphic small plastic art: 14, 15 – Ikiz-Tepe (Anatolia, Early Bronze Age III, second quarter of the 3rd millennium BC); 16 – Susa (Iran, 22nd–20th century BC); 17 – Troy (Anatolia, Early Bronze Age II, second half of the 3rd century BC); 18, 19 – Greece, Late Helladic period III (14th–13th century BC) (source references are given in the text)

тировать как ноги. Исключение здесь составляют два изделия. На пряжке из Сёрег (рис. 2, 2; 8, 3), как и на изделии из комплекса Гертма III 6/3 (рис. 2, 18), руки не показаны, но циркульным орнаментом хорошо обозначена трехчастность стоящей фигурки, соответствующая строению человека: нижняя зона – ноги, средняя – туловище, верхняя – голова. Однако показана только зона ног, но не они сами. Однако на пряжке из Гановце (рис. 7, 5) ноги показаны довольно отчетливо. Впрочем, это единственный известный мне предмет европейской традиции, где этот элемент четко обозначен.

Примечательно, что структурные аналогии иконографии, когда изображаются голова, руки в позе «оранта» и туловище без ног, можно отыскать в статуэтках Ближневосточного региона и сопредельных территорий (рис. 7, II). Эта традиция зарождается еще в энеолите. Серия подобных антропоморфных роговых изделий представлена в мелкой пластике Эзеро (Эзеро, 1979. Обр. 201), а из слоновой кости – в культуре Накада в Египте (Petrie, Quibell, 1896. Pl. XLII, 42, 43), на которых внизу имеются отверстия для крепления. На серии из Эзеро, кроме того, в верхней части изделий

Рис. 8. Пряжки европейской традиции и ближневосточная иконография изображения головы с косой: 1 – Донецк Текстильщик 4/19; 2 – Железовце; 3 – Сёрег, погребение № 156; 4 – Аладжахеюк (Иран, вторая половина III тыс. до н. э.); 5 – Сирия (1700 BC); 6–8 – Хафаджа, храм Сина (Месопотамия, первая половина III тыс. до н. э.); 9 – тель Асмар (Месопотамия, первая половина III тыс. до н. э.) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 8. Buckles in European tradition and Near East iconography of representation of a head with a plait: 1 – Donetsk Tekstilshchik 4/19; 2 – Železovce; 3 – Söreg, burial no. 156; 4 – Alacahöyük (Iran, second half of the 3rd millennium BC); 5 – Syria (1700 BC); 6–8 – Khafajah, temple of Sin (Mesopotamia, first half of the 3rd millennium BC); 9 – Tell Asmar (Mesopotamia, first half of the 3rd millennium BC) (source references are given in the text)

присутствуют крючковидные выступы, что позволяет эти изделия относить к самым ранним антропоморфным пряжкам-орантам.

Важно отметить, что и для поясных изделий европейской традиции прослеживается трансформация анатомической детали с сохранением семантического значения. Однако в этом случае речь идет не о пупке (см. выше). На пряжках европейской традиции существенное значение имеет расположение крючкового или запонковидного выступа на некоторых изделиях на щитке между глазами (рис. 7, 2, 4, 10, 11), что соответствует расположению носа на лице человека. В мелкой ближневосточной и восточносредиземноморской пластике такая деталь как нос была не менее значимой, чем, например, пуп. Начиная с халколита, на Ближнем Востоке появляются антропоморфные фигурки, у которых из всех анатомических деталей показаны только тело с головой и носом. Серия такого рода каменных статуэток типа «Норшунтепе» происходит из 8–6-го слоев периода IIIС раннего бронзового века одноименного теля (рис. 9, 1–3 – Schmidt K., 2002. Taf. 75, 1208–1211, 1223–1228). Известны они и в древностях фазы I в Антиохии, которая в хронологическом отношении непосредственно предшествует периодам BгA1–A2 в Центральной Европе и посткатакомбному периоду в восточно-европейской степи и лесостепи (рис. 9, 4 – Braidwood R., Braidwood L., 1960. P. 420, 520–521,

fig. 323, 3). Фигурки с хорошо выделенными носами встречаются и позже, причем нередко в сочетании с позой «оранта» (рис. 7, 18, 19). Обращает внимание распространение в Восточном Средиземноморье в III тыс. до н. э. мелких мраморных фигурок в виде антропоморфных голов, на которых из черт лица показан только нос (рис. 9, 5, 6 – Renfrew, 2007. Fig. 7.1, 7.2). По размерам они вполне сопоставимы с пряжками европейской традиции. На фигурке из Агиоса Онуфриоса (Крит) ниже головы имеются два отверстия, вероятно, для крепления (рис. 9, 7 – Karantzali, 1996. Fig. 141, МН 91). Это, без сомнения, антропоморфное изделие по структуре очень напоминает бабинские фигурные пряжки.

Приведенные аналогии позволяют заключить, что такой важный для мелкой пластики Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья элемент как нос на пряжках европейской традиции трансформировался в крючок или запонку для крепления свободного конца ремня. Причем этот уже функциональный элемент поясной детали продолжает сохранять свое семантическое значение в передаваемом антропоморфном образе.

Таким образом, пряжки европейской традиции (рис. 7, I), так же как и кавказские предметы, являются полностью антропоморфными изделиями. Они представляют собой сильно стилизованные изображения людей/богов (голова – щиток с глазами и носом, туловище и руки – планка) с поднятыми

Рис. 9. Статуэтки носатых антропоморфных идолов Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья: 1–3 – Норшунтепе (период IIIС, ранний бронзовый век); 4 – Антиохия (фаза I, XXV–XXIV вв. до н. э.); 5, 6 – Даскалио Кавос, о. Керос (культура Керос-Сирос, второй раннекикладский период, середина III тыс. до н. э.); 7 – Агиос Онуфриос, о. Крит (второй раннеминойский период, середина III тыс. до н. э.) (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 9. Figurines of big-nosed anthropomorphic idols from Near East and Mediterranean: 1–3 – Norşuntepe (period IIIC, Early Bronze Age); 4 – Antioch (phase I, 25th–24th century BC); 5, 6 – Daskalio Kavos, Keros island (Keros-Siros culture, second Early Cycladic period, mid. 3rd millennium BC); 7 – Agios Onoufrios, i. Crete (second Early Minoan period, mid-3rd millennium BC) (source references are given in the text)

вверх руками, которые находятся в так называемой позе оранта. В отличие от пряжек кавказской традиции, европейские экземпляры не имеют деталей, по которым можно было бы идентифицировать половую принадлежность этих антропоморфных фигурок. В этом отношении еще раз следует обратить внимание на предметы из Донецк Текстильщика, Железовце, Сёрега (рис. 8, 1–3), щитки которых являются стилизованными изображениями голов с косой вокруг них. На Ближнем Востоке такая прическа – атрибут исключительно женской иконографии (Frankfort, 1939. P. 50–51). Однако европейские мастера вполне могли и не осознавать этого.

Итак, выделение двух традиций в «пряжечных» культурах Европы и Кавказа обосновывается не только очевидными различиями в системе крепления ремня, но и первичной семантикой поясных деталей. Кавказские и европейские фигурные пряжки передают антропоморфные образы в вертикальном положении: первые изображают стоящих персонажей в позе адорации (руки согнуты в локтях и скрещены на груди), вторые – в позе оранта (руки подняты вверх и разведены в стороны). Кавказские пряжки более реалистичны – у них показаны ноги. Для лолинской серии четко определяется мужской пол. Согласно приведенным данным некоторые изделия гинчинско-присулакских комплексов могут транслировать женский образ. Пряжки европейской традиции менее реалистичны. Они передают только верхнюю часть антропоморфного персонажа: голову, туловище, руки.

Изучение семантики артефактов, к тому же довольно стилизованных, всегда будет вызывать

дискуссию: будет недоставать каких-то деталей, некоторые из них останутся неопознанными, другие могут не вписываться в систему предложенных аргументов. Например, не понятно значение дополнительных выступов, расположенных посередине планки ниже головы и рук, согнутых в позе «оранта» на пряжке из Барца 1 (рис. 7, 3).¹⁷ Не на всех пряжках показаны глаза и руки, в частности, на образце из Черноярская 3/10 (рис. 2, 14) нет глаз, головы и ног. Однако те изделия, которые сочетают в себе все антропоморфные признаки, являются ключом к пониманию семантики всех вещей этого типа, даже стилизованных. Так, при сравнении черноярской пряжки (рис. 2, 14) с изделиями из Кевюды I 3/5 и Чограй VIII 34/1 (рис. 2, 12, 13) становится понятным, что она передает образ мужчины-адоранта.

Распознать образы, передаваемые пряжками кавказской и европейской традиций, удастся только при сравнении их с ближневосточной и восточно-средиземноморской мелкой пластикой. Здесь представлены структурные иконографические аналогии, которые позволяют идентифицировать все антропоморфные детали на рассматриваемых поясных изделиях. По моему мнению, можно отказаться от трактовки образов как неопределенных (зооморфные или зооантропоморфные), которые не дают объяснения всей совокупности функцио-

¹⁷ Форма этих выступов также напоминает «оранту», но почему на изделии две пары рук? Причем это тоже определенный изобразительный канон, потому что такую же ситуацию, только более стилизованную, можно наблюдать, например, на пряжке из Мошорина культуры Ватина (Hänsel, Medović, 1994. Abb. 6, 2).

нальных и нефункциональных элементов пряжек. Только интерпретация этих изделий как стоящих антропоморфных фигурок в позах адорация или оранта позволяет непротиворечиво свести все детали морфологии к конкретной иконографии.

Появление в Европе и на Кавказе фигурных пряжек, находящихся структурные соответствия в мелкой пластике Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья, скорее всего, отражает влияние цивилизационных центров этих территорий на первобытную периферию. Распространение фигурных поясных деталей в восточноевропейской степи и на Кавказе в конце III тыс. до н.э. совпадает с резкой аридизацией климата, которая привела к масштабным миграциям в Европе, в Кавказском регионе и на Ближнем Востоке (Кленгель, 1985. С. 213–214; Черных, 1989. С. 24–25; Neev, Emery, 1995. Р. 64–65, 148–149; Григорьев, 1999. С. 374–375; Weiss et al., 1993. Р. 135–137, 99–102; Мельник, 2009. С. 20–21; 2015. С. 64–65; Issar, 2003. Р. 19; 2007. Р. 19–20; Kiple, 2007. Р. 25–26; Kohl, 2007. Р. 112; Murphy, 2007. Р. 170, tabl. 10.3; Anthony, 2009. Р. 48; Wossink, 2009. Р. 21, tabl. 2.3; Борисов, Мимоход, 2010; Бауэр, 2012. С. 88; Weiss, 2012; Мимоход, 2013. С. 292–316, 340–341; 2016а. С. 37; 2018б. С. 41, 43; Амиров, 2014. С. 8; Амиров, Немировский, 2014. С. 305).

Следствием этих событий могло стать отражение в морфологии и орнаментации пряжек кавказской и европейской традиций ближневосточной иконографии (в модифицированном и стилизованном виде). Для подтверждения этой гипотезы рассмотрим несколько сюжетов, которые показывают, что определенные импульсы с Ближнего Востока в Европу и на Кавказ в конце III тыс. до н.э. можно проследить не только по фигурным пряжкам, но и ряду других артефактов.

О связи орудийно-оружейного металлокомплекса культур Европы и Кавказа с Ближним Востоком хорошо известно (Черных, 1978. С. 61, 67, 69; Авилова, Черных, 1989. С. 76; Черных и др., 2002. С. 5–14). Прослеживается она и по данным керамических комплексов (Machnik, 1973. Р. 163–164). Показательна ситуация с синхронным возникновением в Европе и на Кавказе индустрии «вербового листа». В первом регионе она распространяется в периоды BrA1–A2 (рис. 10, 7 – Zaharia, 1959. Abb. 3, 1; Točík, 1963. Obr. 242, 4, 5, 243, 261, 1–3, 4–6;

Vladár, 1973. Tab. I, 23–25; II, 9, 12, 23, 26; V, 27; VIII, 11, 13; XIII, 23, 24, 26–28; etc.; Müller-Karpe, 1974. Taf. 522, 21–29; 523, 35–37, 43–45; Kadrow, 1998. Abb. 6; 2000. S. 142; Братченко, 2001. С. 47; и др.), во втором – на позднем этапе среднего бронзового века (рис. 10, 9 – Гаджиев, 1969. Рис. 22, 5; Гаджиев, Магомедов, 1985. С. 89, рис. 4, 51–64; Магомедов, 1998. С. 119). Возникает эта техника в Месопотамии (XXVI–XXV вв. до н.э.), откуда передается на указанные территории (Kadrow, 2000. S. 142). Самые ранние бронзовые украшения с вербоволистной расковкой обнаружены в царских гробницах Ура (рис. 10, 8 – Woolley, 1934. Pl. 146, b, 219, 7).

В этой связи стоит упомянуть и каменные оселки, которые одновременно получили распространение в европейских культурах периодов BrA1–A2 (рис. 10, 1 – Sangmeister, 1964. Abb. 8, F, G; Köster, 1966. Taf. 11, 2, 3, 12; 18, 3; 20, 13; 27, 12; Bill, 1973. Taf. 1, 6, 17, 6, 18, 2; Ondráček, Šebela, 1985. Tab. 18, 9; 20, 18; 26, 16; 28, 17; Case, 2004. Fig. 69, 5, 10, 17; и др.) и в культурах среднего бронзового века Кавказа (рис. 10, 3 – Багаев, 1986. Рис. 3, 21; Нуколаева, 2011. Рис. 70; Makharadze, Murvanidze, 2014. Tabl. XII, 16). Эти изделия, выступающие в качестве атрибутов мужских захоронений, обычно рассматриваются как защитные накладки на запястья лучников (Sangmeister, 1964; 1974; Harrison, 1977. Р. 160; 1980. Р. 52–55; 2007. Р. 105; Fokkens et al., 2008; Woodward et al., 2006), реже как точильные камни (Harrison, 1980. Р. 53; 2007. Р. 155) или предметы полифункционального назначения: накладки и оселки (Healy, Harding, 2004. Р. 185; Harrison, 2007. Р. 105). Такие предметы известны и на Ближнем Востоке. В частности, они есть в Трое II, в некрополе Мегиддо, Иерихоне (рис. 10, 2 – Schliemann, 1881. Nr. 102; Guy, 1938. Pl. 123, 5; Kenyon, Holland, 1983. Fig. 368, 7, 8). В ряде случаев они датируются раньше, чем европейские и кавказские экземпляры.

В указанные периоды в Балкано-Дунайском регионе и на Кавказе распространяются металлические подвески с переложной петлей (рис. 10, 10, 12 – Zaharia, 1959. Abb. 1, 6; 4, 6; 6, 4, 4a, 9; 13, 3; Марковин, 1963. С. 63, рис. 9, 4; 1970. С. 91, рис. 1, II; Mozsolics, 1973. Taf. 4, 1, 2; 90, 1, 2; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974. С. 84, табл. 74, 631; Petrescu-Dîmbovița, 1977. Pl. 9, 8–10, 11, 13, 14; 74, 14; Gogâltan, 1999. Fig. 40, 11–17; Kushnareva, 1997. Fig. 54, 11; 67, 4;

Рис. 10. Оселки (1–3), бусы (4–6), украшения (7–12) и пряжки (13–15) в Европе, на Ближнем Востоке и на Кавказе (ссылки на источники даны в тексте)

Fig. 10. Whetstones (1–3), beads (4–6), ornaments (7–12) and buckles (13–15) in Europe, Near East and Caucasus (source references are given in the text)

Кореневский, Мимоход, 2011. Рис. 8, 3; и др.). Прототипы этих изделий также имеются на Ближнем Востоке, в частности, в царских гробницах Ура (рис. 10, 11 – Woolley, 1934. Pl. 146, b, 219, 7).

Аналогичные тенденции можно проследить и по узкопланочным кольцевидным пряжкам. Последние присутствуют в культурах позднего энеолита – раннего бронзового века в Средней и Западной Европе (рис. 10, 13 – Grimes, 1960. P. 162, fig. 67; Clarke, 1970. P. 297, 299; Müller-Karpe, 1974. Taf. 636, F2, L9, 514, M5, 515, J3, 519, A10, F11, I3; Šebela, Škrdla, 2003. Abb. 4, 3, 6) и в комплексах рубежа среднего – позднего бронзового века Кавказа (рис. 10, 15 – Гумель, 1940. Фиг. 30, 15; 38, 5; Марковин, 1963. Рис. 5,

7, 8; 25, 3; Гаджиев, 1969. Рис. 12, 6). В Ближневосточном регионе такое изделие известно, например, в Трое II (рис. 10, 14 – Schliemann, 1881. Nr. 557), а прототипы подобных пряжек-подвесок можно найти еще в неолитических материалах Чатал-Хююка (Mellaart, 1961. P. 91).

Особенно показательна еще одна категория инвентаря – фаянсовые бусы с выступами. В рассматриваемые периоды эти украшения так же синхронно распространяются в Европе, на Кавказе и Предкавказье. Однако типологически они представляют собой разные изделия. В Центральной, Западной и Южной Европе широко используются бусы, которые называют как «имеющие форму звезды»:

«перле од фајанса звездастог облика» в сербском, «star-shaped fayence» или «star-like», «stellate» в английском языках (рис. 10, 4 – *Bóna*, 1965. P. 33; *Piggot*, 1966. P. 120; *Girić*, 1971. P. 84; *Harding*, 1971. P. 190, fig. 1; *Гарашианин*, 1973. С. 244). На Кавказе и в Предкавказье на позднем этапе среднего бронзового века распространение получили бородавчатые и рожковые бусы (рис. 10, 6 – *Мимоход*, 2012. Рис. 2; 2013. Ил. 79, I, 8–56). Показательно, что оба типа бисера представлены в памятниках Ближнего Востока (рис. 10, 5). В частности, аналогии бородавчатым кавказским бусам имеются в материалах Шах-Тепе в Иране (*Arne*, 1945. P. 288, pl. LXXVI, 601, 603–605), а бусы в форме звезды найдены в захоронениях на Аладжахююке в Малой Азии (*Koşay*, 1951. Pl. CXXXIV; CLXVII; CC; CCVI). Датируются эти комплексы временем, синхронным позднекатакомбному и посткатакомбному этапам Восточной Европы, и, соответственно, периодам BgA1–A2 среднеевропейской хронологии.

О генетической связи фаянсового бисера в Европе и на Кавказе с Ближневосточным регионом исследователи писали неоднократно, вплоть до прямого импорта бус из Восточного Средиземноморья и Месопотамии (*Столярова*, 2000; 2002; 2003; *Stolyarova*, 2000; *Острроверхов*, 2003. С. 405; *Šmid*, 2006. S. 16; *Gregerová et al.*, 2006; *Schuhmacher*, 2011. P. 423). Однако большая часть специалистов считает, что фаянсы производились на месте. Такой вывод делается как на основе типологии и количественных характеристик (*Newton, Renfrew*, 1970. P. 203; *Harding*, 1971. P. 188–193; 1984. P. 103–104; 1990. P. 143–145; *Vladár*, 1973. S. 206; 2000. P. 269; *Махно, Братченко*, 1977. С. 58; *Орфинская и др.*, 2003. С. 267; *Литвиненко*, 2005. С. 76; *Bátora*, 2006. S. 171, 201–203; *Мимоход*, 2012. С. 141–142; 2013. С. 203–204; 2014. С. 28–29), так и по данным химического анализа (*Newton, Renfrew*, 1970. P. 200–202; *Briard*, 1979. P. 97; *Henderson*, 1988. P. 438–440; *Williams et al.*, 1994. P. 57; *Shortland et al.*, 2007. P. 281–282; *Зудина, Судариков*, 2007. С. 65; *Staššikova-Štukovská, Hložek*,

2009; *Шишлина и др.*, 2010. С. 650). Однако идеи ряда форм и самого производства бус были, несомненно, заимствованы с Ближнего Востока. Видимо, аналогичная ситуация имела место и с пряжками: заимствуется не сама мелкая антропоморфная пластика в позах оранта или адорация, а их идеи, которые реализуются на поясных деталях.

Ситуация с распространением разнотипного фаянсового бисера в Европе и на Кавказе типологически напоминает картину использования фигурных пряжек кавказской и европейской традиций. Бусы с выступами из ближневосточного очага распространились в Европу и на Кавказ. В первом регионе была воспринята мода на звездоподобные бусы, во втором – на бородавчатые. Мелкая антропоморфная пластика в позах адорация и оранта существовала на Ближнем Востоке, но в пряжках европейской традиции была реализована идея персонажа с поднятыми вверх и разведенными руками (оранта), а в изделиях кавказской традиции – с согнутыми в локтях руками, скрещенными на груди (адорация). Важно отметить, что фигурки в позе оранта были больше популярны в Анатолии и Восточном Средиземноморье, а в позе адорации – в Месопотамии. Любопытно, что первый регион располагается ближе к Европе, второй – к Кавказу. Видимо, импульсы именно с этих территорий привели к реализации разных образов в пряжках двух традиций – европейской и кавказской.

Таким образом, распространение фигурных пряжек в Европе и на Кавказе было одним из проявлений комплекса новаций, шедших из Ближневосточного региона. Появление этих изделий в XXII–XXI cal. BC в восточноевропейской степи является результатом прямой миграции, обусловленной резкой аридизацией климата. В случае с бабинскими экземплярами речь идет о передвижении групп из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, а в случае с лолинскими – из Северо-Восточного Кавказа.

Авилова, Черных, 1989 – *Авилова Л. И., Черных Е. Н.* Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественные научные методы в археологии. М., 1989.

Амиров, 2014 – *Амиров Ш. Н.* Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н. э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. 2014. № 233.

- Амиров, Немировский, 2014 – Амиров Ш. Н., Немировский А. А. К вопросу о кавказско-переднеазиатских связях IV–III тыс. до н. э. // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: Сб. к 90-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта. М., 2014.
- Андреев, 2002 – Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III–I тыс. до н. э.). СПб., 2002.
- Андреева, 1986 – Андреева М. В. Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополя // СА. 1986. № 2.
- Багаев, 1986 – Багаев М. Х. Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
- Бауэр, 2012 – Бауэр Г. М. Возникновение южноаравийских цивилизаций // Красноморский мир в древности. М., 2012.
- Березанская, 1986 – Березанская С. С. Культура многоваликовой керамики // Березанская С. С., Отроценко В. В., Чердниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Борисов, Мимоход, 2010 – Борисов А. В., Мимоход Р. А. Палеоэкологические условия и механизмы сложения долинской культуры // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: Материалы III Нижневолжской археолог. конф. Астрахань, 2010.
- Братченко, 1985 – Братченко С. Н. Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1: Первобытная археология.
- Братченко, 1995 – Братченко С. Н. Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. Ч. II.
- Братченко, 2001 – Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001.
- Братченко, 2006 – Братченко С. Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // МДАСУ. Луганськ, 2006. № 6.
- Вангородская, 1987 – Вангородская О. Г. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.
- Василенко, 1999 – Василенко А. И. Вариант реконструкции крепления пряжки из кургана № 34 группы Чограй VIII в Ставрополе // Древности Подонцовья. Луганск, 1999.
- Гаджиев, 1969 – Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969.
- Гаджиев, Магомедов, 1985 – Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г. Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатль // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
- Гарашанин, 1973 – Гарашанин М. Праисторија на тлу ср Србјею. Београд, 1973.
- Гершкович, 1979 – Гершкович Я. П. Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
- Гершкович, 1982 – Гершкович Я. П. Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней – поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
- Гершкович, 1986 – Гершкович Я. П. Фигурные зооморфные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА. 1986. № 2.
- Городцов, 1907 – Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Тр. XIII АС. М., 1905. Т. I.
- Григорьев, 1999 – Григорьев С. А. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.
- Гуммель, 1940 – Гуммель Я. И. Археологические очерки. Баку, 1940.
- Жоржикашвили, Гогадзе, 1974 – Жоржикашвили Л. Г., Гогадзе Э. М. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы (раскопки 1936–1940, 1947–1948 гг.). Тбилиси, 1974.
- Зудина, Судариков, 2007 – Зудина В. Н., Судариков О. В. Некоторые аспекты изучения бус в срубной культуре Волго-Уральского региона // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. Вып. VIII.
- Илюков, 2014 – Илюков Л. С. Новый тип бабинских пряжек: костяная застежка в виде бусины // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2014. № 2 (2). [Электронный ресурс]. URL: http://aaatec.org/documents/article/il_le1r.pdf (дата обращения 27.12.2016).

- Ильюков, 2016 – Ильюков Л. С. Костяные пряжки-запонки бабинской культуры // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). М., 2016. Т. 12. № 2.
- Ильюков, Казакова, 1988 – Ильюков Л. С., Казакова Л. М. Курганы Миусского полуострова. Ростов н/Д, 1988.
- Ильюков, Магомедов, 2010 – Ильюков Л. С., Магомедов Р. Г. Костяные пряжки эпохи средней бронзы из Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2010. № 39.
- Калмыков, 2005 – Калмыков А. А. Роговые фигурные пряжки Егорлык-Калаусского междуречья // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.
- Калмыков, Матюхин, 2007 – Калмыков А. А., Матюхин А. Д. Роговая пряжка из курганного могильника Кевюды I // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2007. Вып. VII.
- Калмыков, Мимоход, 2005 – Калмыков А. А., Мимоход Р. А. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // МДАСУ. Луганськ, 2005. № 4.
- Кленгель, 1985 – Кленгель Х. Архивы Эблы и история Сирии: проблемы и перспективы // Древняя Эбла (раскопки в Сирии). М., 1985.
- Клименко, 1998 – Клименко В. Ф. Курганы юга Донетчины. Енакиево, 1998.
- Клочко, 2006 – Клочко В. І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ, 2006.
- Клочко, 2012 – Клочко В. І. «Гордіївський феномен» // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. Kraków, 2012.
- Ковалева и др., 1987 – Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н., Шахров Г. И. Исследование курганов группы «Долгой могилы» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепрпетровск, 1987.
- Корневский, Мимоход, 2011 – Корневский С. Н., Мимоход Р. А. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М., 2011.
- Кузьминых, Мимоход, 2016 – Кузьминых С. В., Мимоход Р. А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.). СПб., 2016.
- Кульбака, Качур, 2000 – Кульбака В., Качур В. Індоевропейські племена України епохи палеометалу. Маріуполь, 2000.
- Латынин, 1967 – Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. 1967. Вып. 9.
- Литвиненко, 1996а – Литвиненко Р. А. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996. Вып. 2.
- Литвиненко, 1996б – Литвиненко Р. А. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Материалы междунар. конф. Донецк, 1996. Ч. 1.
- Литвиненко, 2001 – Литвиненко Р. А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» (23–28 апреля 2001 г.). Самара, 2001.
- Литвиненко, 2004 – Литвиненко Р. А. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // МДАСУ. Луганськ, 2004. № 2.
- Литвиненко, 2005 – Литвиненко Р. О. Культури бабинська та лолінська: до проблеми контактів // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.
- Литвиненко, 2006 – Литвиненко Р. А. Опыт выявления пространственно-семиотических структур в погребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2006. Т. 3.
- Литвиненко, 2009 – Литвиненко Р. А. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // МДАСУ. Луганськ, 2009. № 9.
- Литвиненко, 2013 – Литвиненко Р. А. Північне Приазов'я в системі східноєвропейського бронзового віку // Україна і світ: проблеми історії. Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції. Маріуполь, 2013.

- Магомедов, 1990 – Магомедов Р. Г. Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.
- Магомедов, 1998 – Магомедов Р. Г. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998.
- Марковин, 1963 – Марковин В. И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Марковин, 1970 – Марковин В. И. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии // СА. 1970. № 4.
- Махно, Братченко, 1977 – Махно С. В., Братченко С. Н. Пастове намисто з катакомбного поховання на Компаніївському могильнику // Археологія. Київ, 1977. Вип. 24.
- Мельник, 2009 – Мельник В. И. Миграционные процессы на Ближнем Востоке и их связь с аридизацией климата в III–II тыс. до н. э. // КСИА. 2009. Вып. 223.
- Мельник, 2015 – Мельник В. И. Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–I тыс. до н. э. // КСИА. 2015. Вып. 239.
- Мимоход, 2012 – Мимоход Р. А. Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов в конце средней – начале поздней бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.
- Мимоход, 2013 – Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2013 (Материалы охранных археологических исследований. Т. 16).
- Мимоход, 2014 – Мимоход Р. А. Лепестковидные бусы финала средней бронзы как культурно-хронологический индикатор // КСИА. 2014. Вып. 233.
- Мимоход, 2016а – Мимоход Р. А. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа: XXIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Грозный, 2016.
- Мимоход, 2016б – Мимоход Р. А. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Липецк, 2016.
- Мимоход, 2018а – Мимоход Р. А. Семантика фигурных роговых пряжек кавказской традиции (финал средней бронзы) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье: XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Карачаевск, 2018.
- Мимоход, 2018б – Мимоход Р. А. Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э. // РА. 2018. № 2.
- Мунчаев, Амиров, 2016 – Мунчаев Р. Ф., Амиров Ш. Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М., 2016. Т. 2.
- Николаева, 2011 – Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М., 2011.
- Орфинская и др., 2003 – Орфинская О. В., Шишлина Н. И., Голиков В. П. Головной убор из катакомбного погребения в могильнике Шахаевский 1 на реке Маныч // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.
- Островерхов, 2003 – Островерхов А. С. Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н. э. – первая половина VII в. до н. э.) // Stratum plus. 2003. № 2: Земля Триполиада.
- Отрощенко, 2001 – Отрощенко В. В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.
- Полидович, 1993 – Полидович Ю. Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.
- Привалова, Привалов, 1988 – Привалова О. Я., Привалов А. И. Список памятников археологии Украины. Донецкая область. Киев, 1988.
- Рогудеев, 2015 – Рогудеев В. В. Медальоны среднего и позднего бронзового века (к атрибуции солярных медальонов «Чакра») // Археология восточноевропейской степи. Саратов, 2015. Вып. 11.
- Ростунов, 2007 – Ростунов В. Л. Эпоха энеолита – бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 1.

- Степанов, 2008 – Степанов М. В. О семантике фигурных пряжек культуры многоваликовой керамики // МДАСУ. Луганськ, 2008. № 8.
- Столярова, 2000 – Столярова Е. К. Сырьевые материалы и происхождение бус эпохи бронзы западной части евразийских степей // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. М., 2000 (Тр. ГИМ. Вып. 120).
- Столярова, 2002 – Столярова Е. К. Стекланные и фаянсовые бусы южнорусских степей III–II тыс. до н. э.: материалы и интерпретация // Могилиник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста, 2002.
- Столярова, 2003 – Столярова Е. К. Бусы из древних силикатов эпохи бронзы евразийских степей // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. М., 2003. Ч. I.
- Усачук, 2007 – Усачук А. Н. Трасологический анализ фигурной пряжки из могильника Кевюды I // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2007. Вып. VII.
- Циміданов и др., 2013 – Циміданов В. В., Кравченко Е. С., Підобід В. А., Полідович Ю. Б., Спінов В. В., Усачук А. М. Дослідження курганів групи Марієнфельд на Донеччині // Археологічні дослідження в Україні. 2012. Київ; Луцьк, 2013.
- Черных, 1978 – Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.
- Черных, 1989 – Черных Е. Н. Металл и древние культуры: Узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989.
- Черных и др., 2002 – Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В. Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. 2002. № 1.
- Черняков, 1996 – Черняков И. Т. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал Балкано-Дунайского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Материалы междунар. конф. Донецк, 1996. Ч. I.
- Шаповалов, Колесник, 1972 – Шаповалов Т. А., Колесник О. В. Розкопки курганів у Донецькій області // Археологічні дослідження в Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. IV.
- Шишлина и др., 2010 – Шишлина Н. И., Егорьков А. Н., Шортланд А. Происхождение и производство фаянсовых бус в Северо-Западном Прикаспии в бронзовом веке // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010 (Тр. МарГАЭ; Т. 3).
- Эзеро, 1979 – Эзеро – раннебронзового селище. София, 1979.
- Al-Gailani, 1972 – Al-Gailani L. Some Sumerian Statues in the Iraq Museum // Iraq. 1972. Vol. XXXIV.
- Anthony, 2009 – Anthony D. W. The Sintashta Genesis. The Roles of Climate Change, Warfare, and Long-Distance Trade // Social Complexity in Prehistoric Eurasia. Monuments, Metal, and Mobility. Cambridge, 2009.
- Arne, 1945 – Arne T. J. Excavations at Shah Tepé, Iran. Stockholm, 1945.
- Bátora, 2006 – Bátora J. Štúdie ku komunikácii medzi strednou a Východnou Európou v dobe bronzovej. Bratislava, 2006.
- Bóna, 1965 – Bóna I. The Peoples of Southern Origin of the Early Bronze Age in Hungary I–II // Alba Regia. Székesfehérvár, 1965. Vol. IV–V.
- Bóna, 1975 – Bóna I. Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. Budapest, 1975. Vol. XVII.
- Bossert, 1937 – Bossert H. T. Altkreta. Kunts und Handwerk in Griecheland, Kreta und in der Ägäis von den Anfängen bis zur Eisenseit. Berlin, 1937.
- Braidwood R., Braidwood L., 1960 – Braidwood R. F., Braidwood L. S. Excavations in the Plain of Antioch. The Earlier Assemblages Phases A–J. Chicago, 1960.
- Briard, 1979 – Briard J. The Bronze Age in Barbarian Europe. From the Megaliths to the Celts. London, 1979.
- Buren, 1950 – van Buren E. D. Amulets, Symbols or Idols // Iraq. 1950. Vol. XII.
- Buren, 1955 – van Buren E. D. New evidence concerning an Eye-Divinity // Iraq. 1955. Vol. XVII.
- Case, 2004 – Case H. Bell Beaker and Corded Ware Culture Burial Assotiations: A Bottom-Up rather than Top-Down Approach // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. Stroud, 2004.

- Clarke, 1970 – Clarke D. L. Beaker pottery of Great Britain and Ireland. Cambridge, 1970. Vol. 1.
- Fokkens et al., 2008 – Fokkens H., Achterkamp Y., Kuijpers M. Bracers or Braselets? About the Functionality and Meaning of Bell Beaker Wrist-guards // Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge, 2008. Vol. 78.
- Frankfort, 1935 – Frankfort H. Oriental Institute Discoveries in Iraq, 1933/34. Chicago, 1935.
- Frankfort, 1936 – Frankfort H. Progress of the Work of the Oriental Institute in Iraq, 1934/35. Chicago, 1936.
- Frankfort, 1939 – Frankfort H. Sculpture of The Third Millennium B.C. from Tell Asmar and Khafājah. Chicago, 1939.
- Girić, 1971 – Girić M. Mokrin. The Early Bronze Age Necropolis // Mokrin II. The Early Bronze Age necropolis. Beograd, 1971 (Dissertations et Monographie. T. XI).
- Gods and Goddesses, 1992 – Gods and Goddesses. Ankara, 1992.
- Gogâltan, 1999 – Gogâltan F. Bronzul timpuriu și Mijlociu în Banatul Românesc și pe cursul inferior al Mureșului. Timișoara, 1999.
- Gregerová et al., 2006 – Gregerová M., Hložek M., Sulovský P. Přírodovědné analýzy fajánsového korálku z hrobu Nitranské kultury ze Slatinic, okres Olomouc // Slovenská archeológia. Nitra, 2006. Roč. LIV. Čís. 1.
- Grimes, 1960 – Grimes W. F. Excavations on Defence Sites, 1939-45 // Mainly Neolithic – Bronze Age. London, 1960.
- Guy, 1938 – Guy P. L. O. Megiddo Tombs. Chicago, 1938.
- Hafner, 1998 – Hafner A. Frühbronzezeit. Westschweiz und Wallis // Die Schweiz vom Paläolithikum bis zum frühen Mittelalter. Vom Neandertaler bis zu Karl dem Grossen. 3. Bronzezeit. Basel, 1998 (Die Schweiz vom Paläolithikum bis zum Frühen Mittelalter (SPM) 3).
- Hájek, 1959 – Hájek L. Kostěná industrie otomanské kultury z Barce // Slovenská archeológia. Bratislava, 1959. Roč. VII. Čís. 2.
- Harding, 1971 – Harding A. F. The Earliest Glass in Europe // Archeologické rozhledy. Praha, 1971. XXIII.
- Harding, 1984 – Harding A. F. The Mycenaean and Europe. London, 1984.
- Harding, 1990 – Harding A. F. The Wessex connection: developments and perspectives // Orientalisch-Ägäische Einflüsse in der europäischen Bronzezeit. Bonn, 1990 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bd 15).
- Harrison, 1977 – Harrison R. J. The Bell Beaker Cultures. Cultures of Spain and Portugal. Cambridge, 1977.
- Harrison, 1980 – Harrison R. J. The Beaker Folk. Copper Age Archaeology in Western Europe. London, 1980.
- Harrison, 2007 – Harrison R. J. Majaladares. A Bronze Age Village of Farmers, Hunters and Herders. Rahden/Westf., 2007 (Internationale Archäologie; Bd 107).
- Hänsel, 1968 – Hänsel B. Beiträge zur Chronologie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. Bonn, 1968. Teil. I, II.
- Hänsel, Medović, 1994 – Hänsel B., Medović P. Bronzezeitliche Inkrustationskeramik aus Feudvar bei Mošorin an der Theißmündung // Die Fragen der Bronzezeit. Archäologische Konferenz des Komitates Zala und Neiderösterreichs III. Keszthely, 1994 (Zalai Múzeum 5).
- Healy, Harding, 2004 – Healy F., Harding J. Reading a Burial: The Legacy of Overton Hill // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. Stroud, 2004.
- Henderson, 1988 – Henderson J. Glass production and Bronze Age Europe // Antiquity. 1988. Vol. 62. No. 236.
- Issar, 2003 – Issar A. S. Climate Change during the Holocene and their Impact on Hydrological Systems. Cambridge, 2003.
- Issar, 2007 – Issar A. S. Climate Change. Environment and History of the Near East. Berlin; Heidelberg, 2007.
- Joukowsky, 1986 – Joukowsky M. S. Prehistoric Aphrodisias. An Account of the Excavation and Artifact Studies. Rhode Island, 1986.
- Kadinlary, 2006 – Kadinlary T. Ç. G. Mysterious Women of the Bronze Age. Istanbul, 2006.
- Kadrow, 1998 – Kadrow S. Osteuropäische Beziehungen des epischnerkeramischen karpaten-ländischen Kulturkreises in der Frühbronzezeit // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v. Chr.). München; Rahden/Westf., 1998 (Südosteuropa-Schriften; Bd 20; Prähistorische Archäologie in Südosteuropa; Bd 12).
- Kadrow, 2000 – Kadrow S. Wczesnobrązowa wytwórczość metalurgiczna w stylu wierzbowego liścia // 150 lat Muzeum Archeologicznego w Krakowie. Kraków, 2000.
- Karantzali, 1996 – Karantzali E. Le Bronze Ancien dans les Cyclades et en Crète. Les relations entre les deux region Influence de la Grèce Continentale. Oxford, 1996.

- Kenyon, Holland*, 1983 – *Kenyon K. M., Holland T. A.* Excavations at Jericho. Vol. Five: The Pottery Phases of the Tell and Other Finds. Jerusalem, 1983.
- Kiple*, 2007 – *Kiple K. F.* A Movable Feast. Ten Millennia of Food Globalization. Cambridge, 2007.
- Kohl*, 2007 – *Kohl F. L.* The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge, 2007.
- Koşay*, 1951 – *Koşay H. Z.* Les fouilles d'Alaca Hoyuk. Rapport preliminaire // Türk Tarih Kurumu Tarafından Yapılan. Ankara, 1951.
- Köster*, 1966 – *Köster C.* Beiträge zum Endneolithikum und zur Frühen Bronzezeit am nördlichen Oberrhein // Prähistorische Zeitschrift. New York; Berlin, 1966. Bd XLIII/XLIV.
- Kushnareva*, 1997 – *Kushnareva K. Kh.* The Southern Caucasus in Prehistory. Stages cultural and socioeconomic development from the eighth to the second millennium B. C. Philadelphia, 1997.
- Lloyd*, 1978 – *Lloyd S.* The Archaeology of Mesopotamia. From the Old Stone Age to the Persian Conquest. London, 1978.
- Lytvynenko*, 2013 – *Lytvynenko R. O.* Central European parallels to the Dnieper – Don center of Babyno culture // The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin 3200–1750 BC. Poznań, 2013 (Baltic-Pontic studies; Vol. 18).
- Machnik*, 1973 – *Machnik J.* Ze studiów nad związkami Kaukazu z obszarami karpackimi w początkach epoki brązu // Archaeologia Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. T. XVIII.
- Machnik*, 1978 – *Machnik J.* Wczesny okres epoki brązu // Prahistoria ziem polskich. Wczesna epoka brązu. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978.
- Machnik*, 1991 – *Machnik J.* The Earliest Bronze Age in the Carpatian Basin. Bradford, 1991.
- Makharadze, Murvanidze*, 2014 – *Makharadze Z., Murvanidze B.* Ananuri Nr. 3 Big Kurgan // Dziebani. Journal of the Georgian Archaeology. Tbilisi, 2014. No. 22.
- Mallowan*, 1947 – *Mallowan M. E. L.* Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. 1947. Vol. IX.
- Moorey*, 2003 – *Moorey P. R. S.* Idols of the People. Miniature Images of Clay in the Ancient Near East. Oxford, 2003.
- Mellaart*, 1961 – *Mellaart J.* Earliest Civilizations of the Near East. London, 1961.
- Mozsolics*, 1973 – *Mozsolics A.* Bronze- und Golfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi. Budapest, 1973.
- Murphy*, 2007 – *Murphy D. J.* People, Plants, and Genes. The Story of Crops and Humanity. Oxford, 2007.
- Müller-Karpe*, 1974 – *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit. München, 1974. Bd III/1-3.
- Müller-Karpe*, 1980 – *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Bronzezeit. München, 1980. Bd IV/1-3.
- Neev, Emery*, 1995 – *Neev D., Emery K. O.* The Destruction of Sodom, Gomorrah, and Jericho. Geological, Climatological, and Archaeological Background. Oxford, 1995.
- Newton, Renfrew*, 1970 – *Newton R. G., Renfrew C.* British Faience Beads Reconsidered // Antiquity. 1970. Vol. XLIV.
- Oates*, 2005 – *Oates J.* Archaeology in Mesopotamia: Digging Deeper at Tell Brak // Proceedings of British Academy. Oxford, 2005. No. 131.
- Ondráček, Šebela*, 1985 – *Ondráček J., Šebela L.* Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově (katalog nálezů) // Studie Muzea Kroměřížska. Kroměříž, 1985.
- Paulík*, 1980 – *Paulík J.* Prähistorische Kunst in der Slowakei. Bratislava, 1980.
- Pendlebury*, 1963 – *Pendlebury J. D. S.* The archaeology of Crete. New-York, 1963.
- Petrescu-Dîmbovița*, 1977 – *Petrescu-Dîmbovița M.* Depozitele de bronzuri din România. București, 1977.
- Petrie, Quibell*, 1896 – *Petrie W. M. F., Quibell J. E.* Naqada and Ballas. 1895. London, 1896.
- Piggot*, 1966 – *Piggot S.* Mycenae and barbarian Europe: an Outline Survey // Sborník Národního muzea v Praze – Acta Musei Nationalis Pragae. Praha, 1966. Sv. XX. Čís. 1–2.
- Potts*, 2004 – *Potts D. T.* The Archaeology of Elam. Formation and Transformation an Ancient Iranian State. Cambridge, 2004.
- Prent*, 2005 – *Prent M.* Cretan Sanctuaries and Cults // Religions in the Graeco-Roman World. Leiden; Boston, 2005. Vol. 154.
- Prox*, 1941 – *Prox A.* Die Schneckenbergkultur. Kronstadt, 1941.

- Renfrew*, 2007 – *Renfrew C.* The Figurine Fragments // Keros, Dhaskalio Kavos. The investigation of 1987–1988. Oxford, 2007. Vol. 1.
- Rice*, 2004 – *Rice M.* Egypt's Making. The origins of Ancient Egypt 5000–2000 BC. London; New York, 2004.
- Sangmeister*, 1964 – *Sangmeister E.* Die schmalen «Armschutzplatten» // Studien aus Alteuropa. Köln, 1964. Vol. I.
- Sangmeister*, 1974 – *Sangmeister E.* Zwei Neufunde der Glockenbecherkultur in Baden-Württemberg // Fundberichte aus Baden-Württemberg. Stuttgart, 1974. Bd1.
- Schliemann*, 1881 – *Schliemann H.* Ilios. Stad und Land der Trojaner. Leipzig, 1881.
- Schmidt E.*, 1932 – *Schmidt E. F.* The Alishar-Hüyük. Seasons of 1928 and 1929. Chicago, 1932.
- Schmidt K.*, 2002 – *Schmidt K.* Norşuntepe. Kleinfunde II. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas. Mainz am Rhein, 2002.
- Schuhmacher*, 2011 – *Schuhmacher T. X.* Long and Middle Range Contacts in the Early Bronze Age of the Western Mediterranean // Sozialarchäologische Perspektiven: gesellschaftlicher Wandel 5000–1500 v. Chr. zwischen Atlantik und Kaukasus. Internationale Tagung 15.–18. Oktober 2007 in Kiel. Darmstadt, 2011 (Archäologie in Eurasien; Bd 24).
- Schwartz et al.*, 2012 – *Schwartz G. M., Curvers H. H., Dunham S. S., Weber J. A.* From Urban Origins to Imperial Integration in Western Syria: Umm el-Marra 2006, 2008 // American Journal of Archaeology. Boston, 2012. Vol. 16. No. 1.
- Shortland et al.*, 2007 – *Shortland A., Shishlina N., Egorkov A.* Origin and production of Faience Beads in the North Caucasus and the Northwest Caspian Sea Region in the Bronze Age // Les cultures du Caucase (VI–III millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient. Paris, 2007.
- Speiser*, 1935 – *Speiser E. A.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1935. Vol. 1.
- Staššikova-Štukovská, Hložek*, 2009 – *Staššikova-Štukovská D., Hložek M.* Praveké fajansové koráliky z hrobu 1 v Spišských Tomášovciach // Študijné zvesti Archeologického ústavu SAN. Bratislava, 2009. 45.
- Stolyarova*, 2000 – *Stolyarova E. K.* On the origin of glass beads from South-Russian steppe (from the end of the IIIrd to the beginning of the IInd thousand BC) // 32nd International Symposium «Archaeometry». Program. Abstracts. Mexico City, 2000.
- Székely*, 1962 – *Székely Z.* Sondajele executate de Muzeul din Sf. Gheorge // Materiale și cercetări arheologice. București, 1962. Vol. VIII.
- Šebela, Škrdla*, 2003 – *Šebela L., Škrdla P. A.* Cemetery of the Bell Beaker Culture in Marefy and its Contribution to Studies on the Chipped Stone Industry of the Moravian Late Eneolithic Period // The Northern Frontier of Bells Beaker. Oxford, 2003.
- Šmíd*, 2006 – *Šmíd M.* Pohřebiště Nitranské kultury ze Slatinic, okres Olomouc // Slovenská archeológia. Nitra, 2006. Roč. LIV. Čís. 1.
- Točík*, 1963 – *Točík A.* Die Nitra-Gruppe // Archeologické rozhledy. Praha, 1963. Vol. XV.
- Tobler*, 1950 – *Tobler A. J.* Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia, 1950.
- Weiss*, 2012 – *Weiss H.* Quantifying Collapse: The Late Third Millennium Khabur Plain // Seven Generations Since the Fall of Akkad. Studia Chaburensia I. Weisbaden, 2012. Vol. 3.
- Vladár*, 1973 – *Vladár J.* Pohrebiská zo staršej doby bronzovej v Branči // Archaeologica Slovaca – Fontes. Bratislava, 1973. T. XII.
- Weiss et al.*, 1993 – *Weiss H., Courty M.-A., Wetterstorm W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A.* The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. 1993. Vol. 261.
- Williams et al.*, 1994 – *Williams B. B., Wilkinson J. L., Magee R. W.* Bronze Age burials at Kilcroagh, County Antrim, and faience beads in Ireland // Ulster Journal of Archaeology. Belfast, 1994. Vol. 54–55.
- Woodward et al.*, 2006 – *Woodward A., Hunter J., Ixer R., Roe F., Potts P. J., Webb P. C., Watson J. S., Jones M. C.* Beaker age bracers in England: sources, function and use // Antiquity. 2006. Vol. 80. No. 309.
- Woolley*, 1934 – *Woolley C. L.* Ur excavation. The Royal cemetery. New York, 1934.
- Wossink*, 2009 – *Wossink A.* Challenging climate change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC). Leiden, 2009.
- Yakar*, 1985 – *Yakar J.* The Later Prehistory of Anatolia. The Late Chalcolithic and Early Bronze Age. Oxford, 1985.
- Zaharia*, 1959 – *Zaharia E.* Die Lockenringe von Sărata-Monteoru und ihre typologischen und chronologischen Beziehungen // Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne. Budapesht, 1959. Sér. III.

The origin and semantics of figured buckles from Bronze Age Europe and Caucasus in the context of Near Eastern influences

R. A. Mimokhod

In the second half of the 3rd and early 2nd millennium BC, in Europe and the Caucasus, bronze and horn figured belt buckles began to be widespread. Among them it is possible to distinguish artefacts in a Caucasian and European traditions. The first are represented by ring-shaped clasps with broad planks known in the North-Eastern Caucasus and Ciscaucasia; the second type is that of hook and plank objects which are concentrated in the Carpathian and Danube region, Central Europe, and between the Dnieper and Donets.

In Eastern Europe, the dates of hook buckles of the Babyno culture and ring-shaped plank artefacts in the Caucasian tradition coincide (22–21 centuries cal. BC). This range is synchronous also to period BrA1b after P. Reineke in the Carpathian-Danube region and Central Europe where in the local cultures also figured clasps are known. The distribution of figured belt parts in the Eastern European steppe and Ciscaucasia was related with the migration impulses from the region from the Carpathian Danube to Central Europe and the Eastern Caucasus respectively.

The figured buckles undoubtedly render some image. Researchers interpret it as a zoomorphic or anthropozoomorphic one. Comparison of these artefacts with the anthropomorphic small plastic arts of the Near East enables us to elucidate their primary semantics. Buckles in the Caucasian tradition are standing

anthropomorphic figurines with the arms in the 'adoration' pose, i.e. they are bent at the elbows with the hands crossed on the breast. In the Lolino culture, these figures are clearly discernible as masculine ones. Among the Ginchin-Sulak series there are also feminine representations. Strongly stylized buckles in the European tradition render also an anthropomorphic image but already in the 'orans' pose where the arms are raised upward and stretched apart. The European examples, unlike the buckles of the Caucasian tradition, bear no details for sex assignment of the anthropomorphic figures.

The appearance of figured buckles in Europe and Caucasus, that have structural parallels in small plastic arts of the Near East and Eastern Mediterranean probably reflects the influence of the civilization centres of the latter regions upon the 'retarded' periphery. The spread of figured belt parts in the Eastern European steppe and Caucasus in the late 3rd millennium BC coincides with a sharp aridization of climate which led to large-scale migrations both in Europe and in the Near East. As a result, the Near Eastern iconography, naturally in a modified and stylized form, was reflected in the morphology and ornamentation of buckles of the Caucasian and European traditions. Their appearance was only one manifestation of the complex of innovations related with the Near Eastern region.